

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ВОССТАНИЕ ИВАЙЛА

(Крестьянская война в средневековой Болгарии в 1277—1280 гг.)

Буржуазная наука замалчивала или извращала революционные традиции болгарского народа, приписывая, например, богомилству характер исключительно религиозного движения (притом якобы еще и заимствованного извне) или изображая народные выступления против турецкого ига как грабительские действия разбойничьих шаек. Подобным же образом буржуазная историография поверхностно и неверно освещает со своих классовых позиций мощное народное восстание в Болгарии в 1277—1280 гг., являющееся в действительности одним из крупнейших антифеодальных движений в Юго-Восточной Европе в средние века.

Несмотря на то, что главный источник по истории восстания болгарских крестьян под руководством пастуха Ивайла — исторический труд византийского писателя Пахимера — был издан еще в XVII в. и извлечения из него вошли в известный сборник Штриттера, в историографии конца XVIII—первой половины XIX в. изучение этих событий не продвинулось далее случайных и весьма общих характеристик или простого пересказа источников¹.

Только чешский историк К. Иречек впервые опроверг существовавшее прежде отождествление царя Ивайла с Иоанном Асенем III и попытался набросать связную картину восстания. Не уделяя, однако, внимания социально-экономическим вопросам, Иречек не справился с такой задачей: в его книге находим скорее любование колоритной фигурой царя-свинопаса и изложение романтической стороны его биографии, но не изучение движущих сил, характера и хода народного движения, руководителем которого он был².

Буржуазная историография конца XIX и XX в. не внесла в изучение крестьянской войны в Болгарии существенных изменений. Правда, в 1891 г. русский византист Хр. Лопарев указал на новый источник для истории восстания — стихотворение византийского поэта первой половины XIV в.

¹ См., напр. Ch. Lebeau. Histoire du Bas-Empire, nouv. éd., t. XVIII. Paris, 1835, p. 223—231 и 237—242; И. Раич. История разных славенских народов, ч. 1. Вена, 1794, стр. 466—473. Ср. С. Н. Палаузов. Юго-восток Европы в XIV столетии. Отгиск из ЖМНП за 1857 г., стр. 56—59 и 63; И. И. Срезневский. Церковно-славянский словарь А. Х. Востокова. „Русская Беседа“, 1857, кн. 2, стр. 16; ср. Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей. М., 1871, стр. 12.

² К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 366—369. Возражения В. В. Макушева, подвергнувшего труд Иречека очень внимательному и добросовестному разбору, в данном случае несостоятельны (см. ЖМНП, ч. 197, 1878, стр. 169).

Мануила Фила, но ему не удалось пойти далее отдельных замечаний по поводу упоминаемых Филом в связи с событиями 1277—1280 гг. географических пунктов; подобный же характер имеют и наблюдения К. Иречека, изложенные в статье, опубликованной несколькими годами позже³. В общих же трудах по истории Болгарии⁴ или средних веков в целом⁵, появившихся в дореволюционной России и на Западе до настоящего времени, восстание либо вовсе не упоминается, либо оно квалифицируется как «смута», а вождь его именуется не иначе как авантюристом.

Особое место занимает в изучении восстания 1277—1280 гг. болгарская историческая наука; в работах ее представителей дано впервые подробное изложение фактической стороны восстания. Однако буржуазные болгарские ученые не смогли вскрыть классовую сущность, размах и значение крестьянской войны. Так, например, В. Н. Златарский, автор наиболее солидного труда по истории средневековой Болгарии⁶, подробно и ясно излагая фактическую историю этого времени⁷, весьма далек от понимания их сущности; достаточно сказать, что движущей силой восстания Златарский считает «класс свинаярей» (буквально так! — стр. 544) и, определяя характер движения, называет его проявлением чувства самозащиты против личного произвола царицы Марии (стр. 548). Историю восстания Златарский не отделяет от судьбы Ивайла и, отдавая должное мужеству и военным способностям последнего, видит результат его деятельности только в том, что было ниспровергнуто «тираническое правление» Марии; отсюда следует и общий вывод: восстание «не оказало скольконибудь решающего влияния на развитие последующих событий»⁸.

Другой крупный болгарский буржуазный историк П. Ников в своих работах уточнил ряд фактических и хронологических деталей, связанных с восстанием⁹, но в то же время, утверждая, что восстание было лишено всякой социальной основы и самые попытки отыскать ее являются ненаучной «модернизацией», Ников подчеркивал, что восстание не принесло ничего положительного — Болгария была в эти годы, по его словам, «охвачена хаосом и анархией» — и было делом одного авантюриста;

³ Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил. СПб., 1891, стр. 23—30 и др.; K. Jireček. Die bulgarischen Burgen bei Manuel Philes. „Sitzungsberichte der philologisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, Bd. 146, 1897, S. 77—85.

⁴ Например, А. Л. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 97—98; Ю. В. Готье. История южных славян. М., 1916, стр. 135; W. Ruland. Geschichte der Bulgaren. Berlin, 1911, S. 42; G. Bousquet. Histoire du peuple Bulgare. Paris, 1909, p. 89—92; R. Guérin-Songéon. Histoire de la Bulgarie. Paris, 1913, p. 267—269; F. Hybl. Dejiny naroda Bulharskeho, d. I. Praha, 1930, str. 204—206.

⁵ Weltgeschichte, hrsg. von H. Helmolt, Bd. V. Leipzig, 1905, S. 338; The Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, 1927, p. 527—530; Histoire général, fondée par G. Glotz. Histoire du moyen âge, t. IX, part 1. Paris, 1945, p. 264—265; L'évolution de l'humanité, dirigée par H. Berr, II section, t. XXXII. Paris, 1947, p. 404.

⁶ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, тт. I—III. София, 1918—1940.

⁷ В. Н. Златарски. История... т. III, стр. 544—575. Этим событиям посвящена также статья Златарского „Ивайло и Момчил“ („Български преглед“, год. 5, кн. 7, 1899), подробный разбор которой дан П. Х. Петровым в работе „Възстанието на Ивайло“ („Годишник на Софийския университет“, фил.-ист. фак., т. 49, кн. 1, 1955, стр. 177—180).

⁸ В. Н. Златарски. История... т. III, стр. 573—574.

⁹ П. Ников. Татаробългарските отношения през средните векове. „Годишник на Софийския университет“, ист.-фил. фак., т. XV—XVI, 1919—1920, стр. 12—15; его же. Изправки към Българска история. „Известия на Историческо дружество“, т. V, 1922, стр. 68—84.

к вождю восставших он относится крайне враждебно, объявляя непомерное честолюбие Ивайла и отсутствие у него «здоровых умственных и нравственных устоев» едва ли не единственными причинами событий¹⁰.

Идеалистические и буржуазно-националистические взгляды болгарских буржуазных историков получили свое логическое завершение в многочисленных трудах ученика В. Н. Златарского, П. Мутафчиева, научная и общественно-политическая деятельность которого уже с полной откровенностью была поставлена на службу болгарской разновидности фашизма.

Буржуазный объективизм и национализм Златарского или Никова превращаются у Мутафчиева в принципиальный отказ от признания объективности исторического знания, с одной стороны, и в неприкрытый расизм — с другой¹¹. В соответствии с этим вся история средневековой Болгарии в изображении фашиствующего профессора лишена какого-либо смысла и представляется чередованием периодов «национального строительства» и «денационализации», происходящей в силу тлетворного греческого влияния¹². Из этого видно, чего можно ожидать от Мутафчиева, когда речь идет о крестьянском восстании 1277—1280 гг.: причину событий он усматривает в «разрушении духовных ценностей, на которых покоилась национальная общность»¹³, и, оценивая вождя восстания как личность исключительную, видит причину поражения в мнимой измене Ивайла, которая не вызывает порицаний историка, но пробудила, по его мнению, недоверие к нему в народе¹⁴. Дальнейшее изложение покажет истинную цену этих утверждений Мутафчиева.

Таким образом, следует признать, что и к работам болгарских буржуазных историков о восстании 1277—1280 гг.¹⁵ применимы слова В. И. Ленина, писавшего о домарксовской социологии и историографии, что они «в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных...»¹⁶. К сожалению, и в советской исторической литературе, и в современной болгарской историографии восстание Ивайла не вызвало интереса, на который оно вправе рассчитывать: краткие сведения в учебных пособиях и справочных изданиях¹⁷ и беглая оценка в труде академика Н. С. Держа-

¹⁰ П. Ников. Рецензия върху статията от С. Табаков. „Бележки за Югоизточната България през епохата на Тертеровци“ („Периодическо Списание на Българско-книжно дружество“, т. 69, 1908, стр. 623). Там же, т. 70, 1909, стр. 576. Ср. е го же. Българи и татари в средните векове. „Българска историческа библиотека“, год. 2, кн. 3. София, 1929, стр. 116—117.

¹¹ Квинтэссенцию „теоретических“ претензий Мутафчиева находим в его статье „Към философията на българската история“ („Философски преглед“, год. III, кн. 1, стр. 27—34). Подробный анализ и оценку этих взглядов произвел П. Х. Петров в статье „Буржуазно-идеалистическите и реакционно-фашистските взгляди на проф. П. Мутафчиев“ (ИП, год. VII, кн. 4—5, 1951, стр. 393—425). Ср. З. В. Удадьцова. Византиноведение в народно-демократической Болгарии. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 348—349.

¹² В наиболее отчетливой форме эти воззрения Мутафчиева изложены в его статье „Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien“, ВЗ, XXX, 1929—1930, S. 387—394.

¹³ П. Мутафчиев. История на Българския народ, т. II. София, 1943, стр. 170.

¹⁴ Там же, стр. 178—179; о восстании Мутафчиев писал также в конце своей статьи „Съдбините на средновековния Дръстр“ (в сборнике „Силистра и Добруджа“. София, 1927).

¹⁵ См. кроме названных работ Я. Сакъзов. Българите в своята история. София, 1922, стр. 116; Н. Станев. Средновековна България. София, 1934, стр. 330—331.

¹⁶ В. И. Ленин. Карл Маркс. Соч., т. 21, стр. 40.

¹⁷ „История средних веков“, т. I, под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. Госполитиздат, 1952, стр. 552—553; В. Ф. Семенов. История средних веков. Госполитиздат, 1952, стр. 250; С. Д. Сказкин и А. Д. Удадьцов. История средних веков. М., 1955, стр. 134—135; Ср. БСЭ, изд. 2, т. 5, стр. 414 и т. 17, стр. 263—264.

вина¹⁸, правильные по существу, но слишком общие по характеру, были до последнего времени единственными упоминаниями о восстании 1277—1280 гг. в советской научной литературе. Теперь к этому прибавилось уже несколько более подробное, но все же весьма сжатое изложение этих событий в первом томе «Истории Болгарии», подготовленной Институтом славяноведения Академии наук СССР; тут впервые намечена надлежащим образом связь восстания с предшествующей историей болгарского народа, с усилением феодальной эксплуатации в XIII в., дана четкая оценка его значения¹⁹.

Равным образом и в научной литературе народно-демократической Болгарии до самых последних лет можно было бы указать лишь немногие страницы, посвященные восстанию Ивайлы²⁰; наибольшее значение имеет соответствующий раздел «Истории Болгарии», изданной Болгарской Академией наук; восстание показано здесь на широком историческом фоне, в тесной связи с внутренним и международным положением Болгарии, подчеркнута значение этих событий в процессе формирования классового сознания средневекового болгарского крестьянства, выделено очерчена реакционная роль Византии и татаро-монгольских орд в подавлении движения²¹. Но подлинный перелом в изучении восстания 1277—1280 гг. наметился лишь с появлением специально посвященных ему работ. В 1954 г. вышла в свет интересная популярная брошюра Дм. Ангелова «Ивайло»²². В том же году была защищена посвященная этим событиям диссертация П. Х. Петрова, основная часть которой опубликована в «Ежегоднике Софийского университета»²³.

Работа П. Х. Петрова является наиболее крупным марксистским исследованием, посвященным восстанию. Автор не только дает правильную оценку событий (стр. 256 сл.), но и впервые подробно останавливается на предпосылках вооруженного антифеодального выступления болгарских крестьян, изучает его ход и результаты. Четкий анализ социально-экономического развития Болгарии, в особенности рассмотрение положения крестьян (стр. 198—204), правильная констатация усиления феодальной эксплуатации во второй половине XIII века, наконец, характеристика политического положения Болгарии в 70-х годах позволили автору дать ясную и правдивую картину движения, показать героическую борьбу народных масс. Но вместе с тем некоторые утверждения автора представляются нам неверными; например, нет никаких оснований утверждать, будто во время первого похода к Тырнову среди повстанцев было немало феодалов (стр. 222—223) или будто Ивайло был осажден в Силистрии не греками, а татаро-монголами (стр. 243); встречаются и ошибки в определении хронологии событий (см. ниже). Однако, несмотря на отдельные недостатки, статья П. Х. Петрова представляется нам ценным исследованием и серьезным вкладом в болгарскую историческую литературу.

¹⁸ Н. С. Державин. История Болгарии, т. II. М.—Л., 1946, стр. 132.

¹⁹ „История Болгарии“, т. I, М., 1954, стр. 143—146.

²⁰ „Българска история“ (за VII класе). София, 1946, стр. 120—125; „Българска история“ (за IX класе). София, 1952, стр. 57—62; Дм. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954, стр. 144—146. Из других работ заслуживает упоминания книга И. Пастухова „Българска история“, т. I. София, 1943, стр. 523—530.

²¹ „История на България“, т. I. София, 1954, стр. 204—211; ср. рецензию М. М. Фрейденберга (ВВ, т. X, 1956, стр. 212—213).

²² Дм. Ангелов. Ивайло. Исторически очерк. София, 1954. См. рецензию: В. А. Афонюшкин. ВИ, 1957, № 4, стр. 175—177.

²³ П. Х. Петров. Въстанието на Ивайло (1277—1280). „Годишник на Софийския университет“, фил.-ист. фак., т. 49, кн. 1, 1955, стр. 175—257. Ср. его же, Въстанието на Ивайло. София, 1956 (популярная брошюра).

Изучение восстания 1277—1280 гг. встречает большие трудности и в связи с тем, что имеющиеся в распоряжении науки немногочисленные материалы не всегда заслуживают доверия. Прежде всего, все сведения о восстании исходят из лагеря его злейших врагов; полностью отсутствуют программные документы восставших крестьян и вообще какие-либо четкие сведения о проводившихся ими мероприятиях социального характера, — строго говоря, до нас дошли только известия о военных столкновениях восставших с врагами, и притом преимущественно, если не исключительно, о таких, при описании которых византийским писателям представлялся случай превознести подвиги ромейского войска. Сведения эти далеки от полноты, изложены без надлежащей ясности и связи, хронология их сбивчива. В результате источники могут ответить далеко не на все вопросы, которые было бы важно осветить; в этом отношении исследователи восстания болгарских крестьян находятся в несравненно худших условиях, нежели, скажем, изучающие восстание Уота Тайлера или Жакерию.

Единственным более или менее последовательным рассказом о восстании Ивайла мы обязаны историческому сочинению Георгия Пахимера, бывшего крупным церковным сановником при дворе первых Палеологов (умер около 1310 г.). Образованный — разумеется, в соответствии с условиями своего времени — и широко осведомленный писатель (что не мешало ему, впрочем, излагать свои мысли, по справедливому замечанию В. Г. Васильевского, крайне тяжеловесным и темным языком), Пахимер был современником описанного им периода (его «История» охватывает 1255—1308 гг.), но придворные интриги и догматические споры заслоняли в его глазах многие важные события²⁴. Восстание в Болгарии излагается им с плохо скрываемой враждебностью, неглубоко и односторонне — лишь в той мере, в какой оно было связано с современными событиями в Константинополе и с внешней политикой Византийской империи. В центре внимания Пахимера находится не столько восстание, сколько личная судьба его руководителя (следует оговориться, что Пахимер, как и все византийские писатели, не приводит имени Ивайла и называет его Лаханой, переводя, по всей вероятности, на греческий язык прозвище «Бърдоква», искаженное им в «Κορδοκουβας»). Впрочем, для придворного византийского историографа вождь болгарских крестьян — не более чем мятежник и варвар²⁵.

Еще более поверхностны те беглые сведения о восстании 1277—1280 гг., которые сообщает другой византийский историк — Никифор Григора (умер около 1360 г.)²⁶. В основе его сообщений о событиях в Болгарии во второй половине XIII в. лежит, как полагают, текст «Истории» Пахимера, пересказанный к тому же довольно свободно и не без ошибок²⁷. Однако в ряде мест своего рассказа о восстании Григора, отделенный от

²⁴ В. Г. Васильевский. Обзор трудов по византийской истории, вып. 1. СПб., 1890, стр. 114—115; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2-te Aufl. München, 1897, S. 288—291; N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine. Byz., t. II, 1925, p. 290—292; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Budapest, 1942, S. 148—150.

²⁵ Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. Im. Beckerus, vol. I. Bonnae, 1835, p. 342—358, 427—449, 466—468.

²⁶ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 18—19 и 165—169; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 249—270; K. Krumbacher. Op. cit., S. 293—298; N. Jorga. Op. cit., S. 299—316; R. Guillaud. Essai sur Nicéphore Grégoras. Paris, 1926; G. Moravcsik. Op. cit., S. 275—277.

²⁷ Nicephori Gregorae Byzantina historia, vol. I. Bonnae, 1829, p. 130—133. О взаимоотношениях известий Пахимера и Григоры о событиях в Болгарии см. П. Николов. Българо-унгарски отношения от 1257 до 1277 г. „Сборник на Българска Академия на науките“, кн. XI, клон ист.-фил., № 7, 1920, стр. 19—42.

событий значительным промежутком времени, откровеннее обнажает интересы византийских феодалов, с позиций которых он описывает и оценивает все события; в качестве примера можно указать на то, что Григора без всяких оценок пишет, что Ивайло погиб в ставке Ногая по проискам императора Михаила Палеолога.

Существенным добавлением к произведению Пахимера и следующего за ним труда Григоры является одно из стихотворений жившего в первой половине XIV в. эфесского уроженца Мануила Фила, который был учеником Пахимера и одним из наиболее типичных придворных стихотворцев поздней Византии²⁸. Фил оставил среди других произведений поэму, посвященную византийскому полководцу Михаилу Главе, который был одним из активных участников подавления восстания 1277—1280 гг. В связи с этим в поэме, довольно напыщенной, подробно перечислены крепости и населенные пункты в Болгарии, захваченные византийцами во время военных действий против повстанцев. Эти сведения позволяют определить район, охваченный восстанием, а также отчасти уточнить ход и последовательность событий²⁹. Если добавить, что только стихотворение византийского поэта сохранило нам имена нескольких народных полководцев, военачальников повстанческих отрядов Комана, Канчо, Момчила, Стана и Даминана, — то значение данных, приводимых Филом, станет очевидным³⁰.

Обзор имеющихся источников по истории восстания не был бы полон, если бы мы оставили без внимания единственный негреческий документ, имеющий прямое отношение к этим событиям. Таким документом является, как известно, небольшая приписка на славянском евангелии, сделанная в 1279 г. в г. Сверлиге, на крайнем западе Болгарии. Эта приписка важна для определения времени событий (в ней упомянуто важное событие — **кни стяхуу гръци подь градомь Трьновомь**), а также и потому, что она является единственным документом, где названо имя «царя Ивайла»³¹.

Серьезную трудность при изучении восстания 1277—1280 гг. составляет и недостаточная разработанность ряда вопросов социально-экономической истории Болгарии, обусловленная крайней скудостью сохранившихся документов. Достаточно напомнить, что за 90 лет от восстановления независимости Болгарии до восстания Ивайла мы располагаем всего лишь тремя грамотами о передаче земель светских владельцев монастырям и о предо-

²⁸ Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил. СПб., 1891; ср. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, S. 774—780; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 249—250.

²⁹ Manuelis Philae Carmina, ed. Ed. Miller, vol. II. Parisiis, 1857, p. 240—255. Эта поэма перепечатана Хр. Лопаревым („Византийский поэт Мануил Фил“, стр. 47—54), который, однако, неправильно понял слова стихотворца οὐχὶ κατ' ἕκαστον и пришел к выводу, будто в произведении Фила болгарские города, захваченные Михаилом Главой, перечислены в беспорядке, без соблюдения хронологической последовательности их взятия греками, а вся поэма „написана по принципу не временной, а географической последовательности событий“ (там же, стр. 19). В действительности это не так: В. Н. Златарский показал, что Фил придерживался хронологического порядка и война против Ивайла описана им в стихах 169—281. Ср. В. Н. Златарский. История... т. III, стр. 602—607.

³⁰ Это обстоятельство тем более необходимо подчеркнуть, что П. Х. Петров („Встанието на Ивайло“, стр. 239—241 и др.) стремится, напротив, пошатнуть доверие к Филу и лишить его показания почти всякого значения. Доводы автора представляются нам очень шаткими, но так как Петров отсылает к специальной своей статье на эту тему, которая сдана им в печать, мы полагаем целесообразным специально рассмотреть весь вопрос после ознакомления с указанной работой.

³¹ Г. А. Ильинский. Сверлижские отрывки. Сборник статей по славяноведению, т. II. СПб., 1906, стр. 10 сл. (отд. оттиск).

ставлении последним феодального иммунитета, да к тому же один из этих документов возбуждает серьезные сомнения относительно подлинности³².

XIII век был для средневековой Болгарии временем расцвета феодального способа производства и вместе с тем периодом обострения свойственных феодализму антагонистических противоречий. Несмотря на известный экономический подъем, в XIII в. наблюдается ухудшение положения болгарских крестьян и трудящихся слоев городского населения, связанное с усилением феодальной эксплуатации.

Во второй половине века начинается политическое раздробление страны, широко раздвинувшей свои пределы в первое пятидесятилетие после завоевания независимости. Болгарское государство распадается на отдельные «земли», представляющие очень слабо связанные между собой, порой даже самостоятельные княжества, а грабительские нападения мадьярских баронов, сербских феодалов и в особенности татаро-монголов на болгарские города и села разоряли население, задерживали развитие производительных сил страны и облегчали постоянные попытки Византии восстановить утраченную в конце XII в. власть над восточнобалканскими землями.

В средневековой Болгарии вообще и в XIII столетии в частности, несмотря на наличие ряда сравнительно крупных городов, основная масса населения существовала за счет земледелия и скотоводства³³, сосредоточившихся в нескольких географически и хозяйственно обособленных районах. Неширокая Придунайская равнина, окаймленная вдоль самого берега Дуная полосой лессовых почв, славилась еще в XII в. пшеницей, просом и виноградом³⁴; с нею соперничали своим плодородием и стадами Софийская котловина и возвышенность между реками Струмой и Южной Моравой (современная Крайшта)³⁵. Садами и виноградниками изобиловали котловины Македонии³⁶, а богатства Фракии (долины рек Тунджи и верхней Марицы) вызывали единодушное восхищение византийских, арабских и западноевропейских современников³⁷. Эти данные нарративных источников подтверждаются и немногими сохранившимися документами: в актах Охридской архиепископии (между 1216—1230 гг.) неоднократно упоминаются полеводство, виноградарство, садоводство и разведение льна³⁸; нивы, сенокосы, летние и зимние пастбища, виноградники, лесные и охотничьи угодья и рыбные ловища перечисляются при селах в районе Скопле в хрисовуле Константина Тиха (1277 г.)³⁹; также и несколько

³² Грамота Алексея Слава, 1220 г. (И. Дуйчев. Стара българска книжнина, т. II. София, 1944, стр. 30 сл.); Ватопедская грамота Иоанна Асеня II, 1230 г. (И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 576 сл.) и Виргинская грамота Константина Тиха, 1277 г. (там же, стр. 581 сл.); последняя подправлена.

³³ О хозяйстве Болгарии в XIII в. см. Д. Ангелов. По вопросу за стопанския облик на българските земи през XI—XIV в. ИП, год. VII, кн. 4—5, 1951, стр. 426 сл., а также I. Sakázow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1929, S. 102 f. Ср. „История Болгарии“, т. I, стр. 123—134; „История на България“, т. I, стр. 184—200.

³⁴ Nicetas Choniata. Historia, vol. I. Bonnae, 1835, p. 487; Annae Comnenae Alexiadis libri XV, edidit Aug. Reifferscheidius, vol. I. Lipsiae, 1884, p. 235. Ср. данные арабского путешественника Идриз (цит. по немецкому переводу, см. W. Tomaschek. Zur Kunde der Hämushalbinsel. SBAW, Bd. 113, 1886, S. 298, 304, 307, 309—310 и др.).

³⁵ Идриз, там же, стр. 367 и 370.

³⁶ Там же, стр. 360, 363, 366—367.

³⁷ Там же, стр. 319, 321, 326; Ansberti Historia, ed. A. Chroust. MGH, nova series, t. V, 1929, p. 38, 44. Ср. Д. Ангелов. Ук. соч., стр. 428—430; I. Sakázow. Op. cit., S. 102—107.

³⁸ Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Ed. J. B. Pitra, vol. VI. Romae, 1891, p. 433—438, 499—502, 509—514, 533—536.

³⁹ Виргинская грамота (см. И. Иванов. Български старини..., стр. 582—585).

более поздняя грамота Иоанна Александра (1347 г.) монастырю св. Николая (около Радомира) называет в числе передаваемых земель «нивия, или виногради, или сенокоси, или жрънки, или кипурие, или периволе, или бранища и рыбные ловища, или орешие»⁴⁰. Скудные известия историков не позволяют подробно осветить систему землепользования и технику сельского хозяйства (в XIII в. в Болгарии уже прочно укрепилось трехполье), но вряд ли они существенно отличались от форм, господствовавших в соседних районах Византийской империи.

Значительного развития достигало в Болгарии XII—XIV вв. и животноводство. Византийские писатели, араб Идризи, грамоты болгарских царей называют разные породы рабочего, молочного и мелкого скота (упоминаются лошади, волы, коровы, буйволы, особенно же часто — овцы и свиньи) и указывают, что летом стада пасли на планинах («летовища»), а к зиме перегоняли в долины («зимовища»). Следует, наконец, отметить, что немалое значение в экономике страны имели пчеловодство и лесное хозяйство⁴¹.

В XI—XII вв. в болгарских землях уже сформировалось крупное феодальное землевладение, как светское, так и церковно-монастырское.

К сожалению, структура болгарской феодальной вотчины XIII в. может быть прослежена лишь в общих чертах и преимущественно на материале церковных и монастырских владений. Эти последние бывали в отдельных случаях огромны, но, как показывает анализ топографических данных грамоты Константина Тиха монастырю св. Георгия, не представляли собой единого массива земель, распадаясь на ряд имений, расположенных в различных районах страны, земли которых разделялись на господский домен и наделы крестьян (стаси). Однако на территориях монастырских сел Виргинская грамота не во всех случаях упоминает собственно домениальные земли с принадлежащими к ним хозяйственными постройками: из общего числа 35 перечисленных населенных пунктов⁴², которые представляют, кажется, 24 хозяйственные единицы, наличие доменов устанавливается лишь в 14 селах, причем в составе одного хозяйственного комплекса нигде не встречаем более одного домена. Отсутствие каких-либо данных о населении этих сел (рядом с которыми упоминаются и выселки) не позволяет определить реальное соотношение барской и крестьянской земли; открытым остается и вопрос о наличии на территории сел, где не упомянут домен монастыря св. Георгия, домена других феодалов.

Основной рабочей силой на землях бояр и монастырей были феодально-зависимые крестьяне. Конкретные виды их зависимости были в Болгарии XII—XIII вв. весьма различны, в связи с чем документы применяют к ним разные термины. Общим наименованием для всей совокупности эксплуатируемых земледельцев являлся, насколько можно судить, термин «людие», обозначавший первоначально лично свободных общинников⁴³. Однако по документам XIII в. они уже передавались вместе с землей,

⁴⁰ Мрачская грамота (там же, стр. 592).

⁴¹ Идризи, см. W. Tomaschek, Op. cit., S. 321, 367; Georgii Acropolitae, Historia, ed. A. Heisenberg, vol. I. Lipsiae, 1903, p. 18; Georgius Cedrenus, Ioannes Scylitzae op. ab Imm. Bekkero suppl. et emend., vol. II. Bonnae, 1839, p. 586; Ioannis Cinnami Epitome. Bonnae, 1836, p. 199; ср. Д. Ангелов. По вопросу за стопанския облик..., стр. 430—432.

⁴² Плохая сохранность грамоты не позволяет считать эту цифру абсолютной точной; следует также отметить, что в ряде случаев наименования сел не поддаются чтению.

⁴³ Напр., в Мрачской грамоте (И. Иванов. Български старини..., стр. 592): „или парици, и строци, или технитаре, или людие какови либо“. Ср. Ватопедскую грамоту 1230 г. (И. Иванов, Ук. соч., стр. 576), в которой монастырю передается

облагались натуральными, иногда денежными оброками и несли барщинные повинности⁴⁴. Вместе с тем менялось и юридическое положение крестьян, которые превращались из более или менее свободных «людей» в полностью закрепощенных париков, лишенных всяких прав и прежде всего крайне ограниченных в отношении возможности передвижения. Доступные нам материалы производят впечатление, что к середине XIII в. незакрепощенные крестьяне-общинники сохранились в сколько-нибудь значительном количестве лишь на крайнем западе Болгарии и крепостные парики составляли основную массу феодально-зависимого крестьянства, а прикрепление к земле и личная зависимость стали неотъемлемыми признаками его юридического статуса⁴⁵.

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют остановиться на вопросе о взаимоотношении между видами феодальной ренты и проследить за ее движением в XIII в. Во всяком случае в грамотах болгарских царей XIII в. наряду с отработками упоминаются также натуральные и денежные платежи. Передавая крестьян монастырю, грамота Иоанна Асеня II формулирует и право последнего «въсприемати дани и съвершити всецкие роботы»⁴⁶. Грамота Константина Асеня подробно перечисляет барщины, от которых отказывается царь в пользу монастыря: это пахота, вскапывание виноградника, жатва, сенокос, строительные повинности («град зидати») и сторожевая служба — и называет кроме них «приплаты» и даже прямо «перпер»⁴⁷.

Близкое к парикам положение занимали другие группы зависимого крестьянства — «отроки» и «присельники», происходившие соответственно от посаженных на землю рабов и от испомещенных феодалами на своей земле крестьян, пришедших в данную местность издалека и не связанных первоначально с общиной. Положение их было особенно тяжелым и граничило порой с рабством⁴⁸. В источниках упоминаются, наконец, зависимые от феодалов пастухи-влахи, которые кочевали со своими стадами в горных районах и платили феодалам ренту только продуктами скотоводства⁴⁹.

Несмотря на аграрный и натуральный в целом характер хозяйства, к XIII столетию в Болгарии сложился ряд довольно крупных городов,

село „с людьми и со всеми му правинами и стаси“. Однако А. Бурмов („Зависимото население в България през XIII и XIV в.“. ИП, год. III, кн. 3, 1947, стр. 257—263) считает, что все „людие“ являлись свободными бештиникими; критику этого взгляда см. у П. Х. Петрова („Въстанието на Ивайло“, стр. 201—202, прим. 2).

⁴⁴ См. Ватопедскую и Виргинскую грамоты (И. Иванов. Български старини... стр. 576 и 582 сл.), а также грамоту Алексея Слава (И. Дуйчев. Стара българска книжина, т. II, стр. 30—31).

⁴⁵ Грамота Константина Асеня знает уже целые села, населенные париками („Здуна, Сушица, Градечница, Брод с Сланском и с Барбарасом и Крупа вся та места паричка сут“), и мнение А. Бурмова („Зависимото население...“, стр. 258 и 260), будто свободные крестьяне в XIII и даже в XIV в. составляли большинство населения, может считаться доказанным лишь для Македонии; ср. Д. Ангелов. Принос към народносните и поземелните отношения в Македония. „Известия на Камарата на народната култура“, т. IV, кн. 3, 1947, стр. 23 сл. О болгарских париках см. также I. Sakázow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, S. 87 f.; П. Х. Петров. Въстанието на Ивайло, стр. 198—204.

⁴⁶ Ватопедская грамота (И. Иванов. Български старини... стр. 576—577).

⁴⁷ Там же, стр. 586.

⁴⁸ Д. Ангелов. Рабството в средновековната България. ИП, год. II, кн. 2, 1945—1946, стр. 129 сл., особенно стр. 153—155; ср. также I. Sakázow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte, S. 92—94. Для изучения сельского хозяйства и положения крестьян в средневековой Болгарии большое значение имеют также работы советских ученых, посвященные Византии; см. Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 19 сл., а также А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 73 сл. (ср. рецензию М. В. Левченко в ВВ, т. VII, 1953, стр. 276).

⁴⁹ Pashut., II, p. 105; Philes, I, vers. 207—208.

а также имелось значительное количество сельских ремесленников («технитари»), находившихся в большинстве случаев в феодальной зависимости от землевладельцев. В стране разрабатывались рудные богатства (железо — в районе городов Пирота и Чипровцев; во многих местах, но в небольших количествах, — медь, олово и серебро), добывалась соль (у города Провадия и в Атанасейском озере у Бургаса), существовал ряд центров ремесла и торговли⁵⁰. Это относится прежде всего к придунайским городам, как Видин, Силистрия, к Филиппополу, являвшемуся центром Фракии, к Софии, которая уже в XI—XII вв. заслужила название «многолюдного города». Особое место занимали города Черноморского побережья (Месемврия, Созополь, Варна) и столица страны Тырново. Источники перечисляют в большинстве этих городов представителей многих ремесленных профессий: кузнецов (ими особенно славился город Авли, около современного г. Сливен), оружейников, каменотесов, плотников, столяров, кораблестроителей, тележных мастеров, гончаров, кожевников, седельников, ткачей, портных, сапожников, пекарей, сыроваров, а также монетных мастеров, ювелиров, врачей, художников, книгописцев и др. О торговом значении болгарских городов свидетельствует для более раннего времени Идризи; для несколько более позднего — итальянский купец Пеголотти, указывающий на значительный вывоз хлеба через причерноморские порты Болгарии. Грамота Иоанна Асеня II Дубровнику достаточно выразительно свидетельствует не только о внешней торговле, но и о намечающейся сети мелких рынков-форосов внутри страны⁵¹. Тем не менее главным источником существования большинства населения городов все еще оставалось сельское хозяйство, а в самом ремесле выполнение заказов конкретных заказчиков было господствующим. Работа на заказчика либо выполнение требований феодала типичны и для сельских ремесленников.

Внутренняя структура болгарского города XIII—XIV вв. изучена очень слабо. Положение городских ремесленников было в общем лучше положения феодально-зависимых крестьян, хотя и они облагались высокими поборами в пользу государства, церкви, отдельных феодальных магнатов. О наличии и особенностях цеховой системы в болгарских городах XIII в. нет вообще никаких материалов⁵².

По своему политическому строю Болгария XIII в. была феодальной монархией. Болгарские цари претендовали на всю полноту власти по образцу византийских императоров и управляли страной без участия сословно-представительных органов, подобных английскому парламенту или испанским кортесам. Крупнейшие феодалы, окружавшие царя, составляли, правда, синклит, который принимал непосредственное участие в государственном управлении, но без точно определенных функций и полномочий. Но при всем том в середине XIII в. самодержавная власть болгарских царей становится призрачной; централизация страны была вообще весьма относительна, и носители царского титула лишь тогда могли рассчитывать на поддержку феодалов, когда они являлись выразителями их наиболее непосредственных и корыстных интересов. На периферии же власть фео-

⁵⁰ По истории средневекового болгарского города сохранилось чрезвычайно мало данных в источниках и в литературе, и целый ряд важных вопросов еще ожидает исследователя. См. I. Sakázow. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*, S. 115 f., особенно S. 124, 127, 129—135, 141 f. См. также Д. Ангелов. По вопросу за стопанския облик. . . , стр. 432 сл.; «История на България», т. I, стр. 194—196.

⁵¹ Дубровницкая грамота (Й. Иванов. *Български старини*. . . , стр. 578).

⁵² «История Болгарии», т. I, стр. 128—134; «История на България», т. I, стр. 194—196; I. Sakázow. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*, S. 115—135; П. Х. Петров. *Въстаниято на Ивайло*, стр. 204—205.

далов становится реальнее и ощутительнее, нежели власть тырновских царей⁵³.

Роскошная и расточительная жизнь царского двора, многочисленные постройки, наконец, необходимость содержать известное количество наемных воинов вместо своевольного и малонадежного феодального ополчения приводят к возрастанию государственных расходов и государственных поборов. Кроме «подымного» и «подушного», которые уже часто взимались деньгами, крестьяне уплачивали ряд мелких поборов и должны были выполнять немалое количество государственных повинностей: строить укрепления, мосты, дороги, перевозить грузы, воинов и т. п. Для сбора этих налогов существовал сложный государственный аппарат, организованный по византийскому образцу⁵⁴.

Господствующий класс феодальной Болгарии распался на немногочисленную группу крупных магнатов, фактически являвшихся независимыми от центрального правительства, и мелких феодалов, которые находились в большинстве случаев в зависимости от первых. Крупные феодалы были в XIII в., как правило, полными собственниками своих земель, обозначаемых в источниках термином «баштина»⁵⁵; значительная часть мелких феодалов не вела собственного хозяйства, живя за счет натуральных и денежных платежей крестьян. Крупные феодалы, в первую очередь монастыри, были сравнительно тесно связаны с рынком и потому заинтересованы в расширении своих доменов, в усилении барщины.

В процессе наступления на крестьян феодалы получали полную поддержку со стороны феодального государства. Упоминавшиеся уже в самых ранних иммунитетных грамотах «законы царства нашего» охраняли собственность феодалов, подтверждали их права и привилегии, облекали земельных собственников «властью самовластною и неотъемною» над зависимыми людьми⁵⁶. Неудивительно, что целиком находившиеся во власти феодалов, задавленные непосильными поборами, повинностями, платежами и государственными налогами, крестьяне всем ходом развития страны были вынуждены искать выход в вооруженной борьбе против эксплуататоров. Так созрели предпосылки для стихийного восстания болгарского крестьянства, разразившегося в 1277 г.⁵⁷

Политическое положение Болгарии в 40—70-х годах XIII в. способствовало развязыванию революционной активности крестьянских масс. Расширение границ болгарского царства при Иоанне Асене II не дало крестьянам никакого улучшения их положения. Одновременно усиление феодальных магнатов способствовало ослаблению центральной власти, а при отсутствии прочного экономического единства страны вело Болгарию по пути феодального раздробления. Действительно, после смерти Иоанна Асеня II (в июне 1241 г.) на престоле Болгарии за короткое время сменилось несколько царей, и те феодальные клановые группы, которые стояли за ними, старались лишь максимально использовать свое кратковременное владычество

⁵³ „История на България“, т. I, стр. 196—200; ср. Н. П. Благоев. Лекции по истории на българското право, т. I. София, 1926, стр. 164—202.

⁵⁴ И. Пастухов. Българска история, т. II. София, 1943, стр. 27—30; Д. Ангелов. Приходи на средновековната България. ИП, год. II, № 2, 1945—1946, стр. 402 сл.

⁵⁵ „История на България“, т. I, стр. 185—186; Н. П. Благоев. Лекции... стр. 119—128, 146—153; И. Пастухов. Българска история, т. II, стр. 31—35; А. Бурмов. Феодализмът в средновековна България. ИП, год. II, № 2, 1945—1946, стр. 157 сл.

⁵⁶ Напр., Ватопедская грамота (И. Иванов. Български старини..., стр. 577).

⁵⁷ П. Х. Петров. Въстанието на Ивайло, стр. 205—208; ср. „История на България“, т. I, стр. 204; „История на България“, т. I, стр. 143—144.

для захвата царской казны и доходных мест в государственном аппарате⁵⁸.

Между тем международная обстановка на Балканах в середине XIII в. значительно осложнилась. Уже в 1242 г. болгарские земли подверглись опустошительному нападению татаро-монголов, и для предотвращения новых набегов болгарское правительство обязалось уплачивать ежегодную дань татаро-монгольским ханам⁵⁹. Тяжелое положение Болгарии немедленно использовал никейский император Иоанн Ватаци, захвативший часть Фракии и Македонии; война продолжалась и в 50-х годах. С помощью половецких наемников и ценою уступки венгерскому вассалу Ростиславу западных областей тогдашний болгарский царь стремился собрать силы для отпора, но был вынужден заключить весьма невыгодный мир⁶⁰.

В этот период началась очередная борьба за тырновский престол, в результате которой болгарские бояре передали царскую власть Константину Тиху, происходившему из рода сербских кралей (в 1257 г.)⁶¹. Новый царь, принявший традиционное имя Асеня и женившийся на дочери никейского императора, уже с первых недель своего правления встретился со многими затруднениями. На востоке, в Причерноморье, укрепился его соперник Мицо, а на западе перешли в новое наступление венгерские феодалы, которые заняли значительную часть северо-западных областей тогдашней Болгарии⁶².

После освобождения в 1261 г. Константинополя от латинских захватчиков восстановленная Византийская империя также заняла по отношению к Болгарии враждебную позицию. Попытка Константина Асеня выступить против ромеев была неудачна: византийские войска заняли земли между р. Тунджею и Черным морем, а затем обрушились против юго-западной Болгарии, где в то время управлял с титулом деспота фактически независимый от тырновского царя Яков Святослав. Этот последний обратился за помощью к венгерскому королю, и владения царя Константина ограничивались с этого времени лишь Тырновской областью да восточной частью придунайских земель⁶³.

В таких условиях Болгария была не в состоянии помешать татаро-монгольским ордам перейти в 1265 г. Дунай. Опустошив и разграбив страну, татаро-монгольские отряды вернулись в свои степные кочевья, захватив немало полона, скота и всякого добра. С этого времени ежегодные их набеги уже не прекращались⁶⁴. Положение еще ухудшилось, когда в следующем 1266 г. венгерский король Иштван выступил в поход против Болгарии. Венгерские отряды продвинулись до Плевны, и Яков Святослав принял себя вассалом короны св. Стефана⁶⁵. Болгарский царь Константин заключил теперь новый невыгодный мир с Византией, закрепив его династическим браком с Марией, племянницей Михаила Палеолога. Последний пообещал, правда, что уступит Болгарии несколько городов и среди них Ме-

⁵⁸ Краткий обзор истории Болгарии в этот период см. в кн. „История Болгарии“, т. I, стр. 140—142; подробное изложение событий и литературу см. в кн. В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 323 сл., особенно стр. 419 сл.

⁵⁹ П. Ников. Татаробългарските отношения..., стр. 1—5 сл.

⁶⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 570—537; ср. В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 427—465.

⁶¹ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 465—475; П. Мутафчиев. История на българския народ, т. II, стр. 133—135.

⁶² П. Ников. Българо-унгарски отношения..., стр. 57 сл.; ср. В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 476 сл.

⁶³ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 497—509; П. Мутафчиев. История..., т. II, стр. 135—142.

⁶⁴ Ср. П. Ников. Татаробългарските отношения..., стр. 6—9.

⁶⁵ П. Ников. Българо-унгарски отношения..., стр. 139—169.

семвию, важный порт на Черном море. Но вместо того, чтобы выполнить свое обещание, Палеолог вступил в союз с фактическим повелителем Орды — хорошо известным русским летописцем темником Ногаем⁶⁶. Теперь Тырновское царство было со всех сторон окружено сильными врагами, каждый из которых был угрозой для самого его существования.

Константин Асень пытался уменьшить нависшую над Болгарией опасность путем сближения с непримиримым врагом Византии, неаполитанским королем Карлом Анжуйским, но Палеолог сумел временно парализовать деятельность антивизантийской коалиции, признав главенство папы над греческой церковью. Таким путем император развязал себе руки для дальнейшего вмешательства в болгарские дела⁶⁷.

При таких обстоятельствах для Болгарии было особенно опасна та новая борьба за власть над разоренной и опустошенной страной, которая разгоралась во второй половине 70-х годов XIII в. Царь Константин находился в полной зависимости от своей жены, а последняя стремилась любой ценой обеспечить наследование престола за своим сыном. С этой целью царица Мария в 1275 г. пригласила в Тырново для переговоров Якова Святослава, который был в торжественной обстановке объявлен «сыном» властолюбивой царицы. Вскоре, однако, Яков Святослав был отравлен, и борьба между узким кругом придворной верхушки и большинством болгарских феодалов разгорелась с новой силой⁶⁸.

Таким образом, во второй половине 70-х годов XIII в. внутреннее и внешнее положение Болгарии было чрезвычайно напряженным. Народные массы изнемогали под гнетом феодалов, которые притом проявили еще и полнейшую неспособность защитить границы страны от внешних нападений. Подобные обстоятельства, вполне естественно, способствовали тому, что могла, наконец, найти выход накапливавшаяся на протяжении многих десятилетий ненависть народных масс против угнетателей.

Согласно сообщениям Пахимера и Григоры, активное выступление болгарских крестьян началось в 1277 г. Дальнейший ход событий дает основания полагать, что первоначальным очагом движения были южные районы Добруджи⁶⁹, наиболее часто разоряемой татаро-монгольскими набегами. Выступление носило стихийный характер и было вначале направлено против грабителей-татар, но вскоре затронуло интересы бояр и самого царя. Во главе повстанцев оказался простой наемный свинопас (ἀγρότης μισθόβροχον χοίρου) по прозвищу Брдоква или Лахана⁷⁰, по имени Ивайло. Он был бедняком и, как пишет Георгий Пахимер, «проявляя заботу о свиньях, не заботился о самом себе — не думал о пище и одежде, но питался одним хлебом и дикими плодами»⁷¹. Однако в беседах с такими же, как и он, обез-

⁶⁶ В. Н. Златарски История..., т. III, стр. 522—527; ср. Н. И. Веселовский. Хан из темников Э дотой Орды Ногай и его время. „Записки Российской АН“, VIII сер., т. XIII, № 6, 1922, стр. 1—40; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Э дотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 83—88.

⁶⁷ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 527—537; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 629—636, 638—650; ср. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 513—515. См. также М. С. Дринов. Вопрос за Българската и Сръбската църкви през съдилището на Лионски събор. Съчинения, т. II. София, 1911, стр. 215—235.

⁶⁸ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 537—543; И. Пастухов. Българска история, т. I, стр. 509—522.

⁶⁹ П. Х. Петров. Въстанието на Ивайло, стр. 218—219.

⁷⁰ Рачум., р. 430. 10—19. Об имени его см. П. Х. Петров. Ук. соч., стр. 211—212.

⁷¹ Рачум., р. 431. 1—4.

доленными и угнетенными простой пастух Ивайло показал себя человеком, принимавшим близко к сердцу страдания народа и бедственное положение родной страны, и высказывал, по словам византийского писателя, «великие о себе фантазии» (ὁ ἄλλος ἦν μεγάλα περὶ ἑαυτοῦ φανταζόμενος)⁷². Он убеждал окружающих, что промысел божий предызбрал его к власти, «и часто беседовал об этом с поселянами и свинопасами, говоря, будто ему являются святые, побуждающие его возмутить народ, чтобы управлять им» (παρρηγήσεις τὰς παρ' ἐκείνων εἰς ὃ κινήθηται καὶ ἔθνους ἄρξαι)⁷³. Неоднократные повторения этого рассказа преодолели первоначальное недоверие слушателей, и ему стали верить; в свою очередь, Лахана, который сам был, очевидно, искренне убежден в своей миссии, утверждал, что срок свершения назначенного уже очень близок, и, наконец, объявил, что получил свыше знак приступить к действию⁷⁴. Он открыто потребовал содействия у окружающих — «и они подчинились, — добавляет Пахимер, — как бы надеясь, что совершат нечто великое»⁷⁵.

По-иному рассказывает о начале восстания другой византийский писатель, Никифор Григора. Называя Лахану «мужем пастушеского рода» и подчеркивая, что он был хитер и чрезвычайно изобретателен (ποικίλος δὲ τὴν φρόνησιν καὶ δεινὸς καινότεροις ἐπιθεῖσθαι πράγμασιν), Григора ни одним словом не упоминает о его видениях и проповеди, но просто сообщает, что тот «восстал» (ἀνίσταται) и привлекал к себе «множество простого и буйного люда» (τῶν χυδαίων καὶ ἀτασθάλων)⁷⁶. Вряд ли можно, следуя В. Н. Златарскому, считать это сообщение лишенным всякой исторической достоверности⁷⁷; перед нами не простой пересказ слов Пахимера, но самостоятельная версия.

Таким образом, оба византийских писателя свидетельствуют о том, что проповедь Ивайла имела успех и он получил поддержку народных низов, к которым обращался.

Весть о появлении ниспосланного богом избавителя быстро распространилась и произвела большое впечатление, так что число сторонников Лаханы все более возрастало⁷⁸.

Вскоре, вооружившись и раздобыв коня⁷⁹, Ивайло двинулся во главе своих приверженцев, представлявших собою уже «значительное войско» (στρατὸς ἰκανός)⁸⁰, против татаро-монгольских грабителей, опустошавших страну⁸¹. Такой характер движения на его первых этапах вполне закономерен, поскольку татаро-монгольские захватчики были особенно ненавистны народным массам, которые жестоко страдали от постоянных набегов, грабежей и поджогов⁸².

Народному воинству сопутствовала удача: в нескольких стычках вражеские отряды были разгромлены, частично уничтожены, частично вытес-

⁷² P a s c h u m., p. 431. 4—6.

⁷³ Ibid., p. 431. 13—16.

⁷⁴ Ibid., p. 431. 16—19. Подобные мистические представления нередко воодушевляли и других вождей народных движений средневековья; достаточно вспомнить о Жанне д'Арк. Вряд ли поэтому можно согласиться с Петровым, начисто отрицающим всякий налет мистических и религиозных идей на начальном этапе восстания и склоняющимся к мысли, что это был сознательный агитационный прием со стороны Ивайла (П. Х. Петров. Встание на Ивайло, стр. 215—217).

⁷⁵ P a s c h u m., p. 431. 19—432. 2.

⁷⁶ G r e g o r a s. Vyz. hist., p. 130. 22—131. 2.

⁷⁷ В. Н. Златарски. История... т. III, стр. 547, примечание.

⁷⁸ P a s c h u m., p. 432. 2—5.

⁷⁹ Ibid., p. 432. 5—8.

⁸⁰ G r e g o r a s, p. 131. 3—4.

⁸¹ P a s c h u m., p. 432. 11—12.

⁸² П. Ников. Татаробългарските отношения... стр. 13.

нены за пределы Болгарии⁸³. Авторитет крестьянского вождя укрепился благодаря этим победам; слава народного героя росла и распространялась. «К нему присоединялись целые области и твердо надеялись, что он поведет дела как можно лучше, — пишет византийский историк, — и не проходило дня, чтобы число его приверженцев не выросло по сравнению с предшествовавшим днем»⁸⁴. В этот период, т. е. летом 1277 г., Ивайло действовал в Добрудже и в придунайских районах Болгарии.

К сожалению, источники, сообщающие нам об этих событиях, не дают возможности четко охарактеризовать восстание как направленное с самого начала против феодального гнета⁸⁵. Неизвестно, выступали ли отряды Ивайла против отдельных феодалов, была ли у них какая-либо программа и т. п. Однако некоторые намеки позволяют сделать вывод о том, что антифеодальный характер движения постепенно обозначался все более и более определенно. Так, Пахимер говорит об ежедневных набегах повстанцев, которые не на шутку беспокоили болгарского царя Константина⁸⁶. Григора со своей стороны отмечает, что Лахана «вел жизнь разбойника» (*ληστρικὸν ἐπέτηδευσεν βίον*)⁸⁷; сомнительно, чтобы такое выражение могло быть употреблено, если бы повстанцы ограничивались только борьбой против татаро-монгольских грабителей. Весьма показательно и то, что царь Константин, который не осмеливался выступить против татаро-монголов и чрезвычайно вяло действовал против венгерских и византийских феодалов, теперь обнаружил неожиданную решительность. Невзирая на болезнь, не дававшую ему возможности сесть на коня⁸⁸, он уже в том же году выступил в поход против Ивайла⁸⁹; Григора добавляет, что он был выведен из терпения не только тем, что этот «незначительный» с точки зрения феодалов человек собрал в короткое время немало войско и «причиняет часто большие беды болгарам», но и тем, что вождь повстанцев «совершает частые набеги и наносит убытки», так что возникла большая опасность для всего царства⁹⁰. Все это позволяет высказать предположение, что антифеодальная направленность движения успела в какой-то мере проявить себя уже в этот период⁹¹.

Однако поход царя Константина закончился полным его разгромом в том же 1277 г. «Лахана, — свидетельствует Пахимер, — также двигался ему (Константину) навстречу, и едва тот появился, немедленно напал и разбил его войско наголову»; попавший в плен царь был убит⁹². Царские войны были включены в состав войска повстанцев, так как, по словам историка, Ивайла «смотрел на них как на своих» (*τινάς δὲ τῶν ἐκείνου καταγωνισάμενος τοῖς λοιποῖς ὡς σφετέροις ἐχρᾶτο*)⁹³. Особенно следует обратить внимание на последние слова, которые дают основание для вывода о том, что рядовые воины царских отрядов сочувствовали делу восстания.

⁸³ P a s c h u m., p. 432. 12—15.

⁸⁴ Ibid., p. 432. 15—19; p. 433. 16—18.

⁸⁵ П. Х. Петров, („Въстанието на Ивайло“, стр. 217 и 219), напротив, считает, что восстание имело с самого начала антифеодальный характер и лишь временно выполняло „известные охранительные функции против татар“.

⁸⁶ P a s c h u m., p. 432. 18—433. 1.

⁸⁷ G r e g o r a s, p. 131. 2.

⁸⁸ P a s c h u m., p. 432. 8—10.

⁸⁹ Ibid., p. 432. 19—433. 5; p. 434. 4—7.

⁹⁰ G r e g o r a s, p. 131. 4—10.

⁹¹ Следует подчеркнуть, что вопреки мнению П. Никова („Българи и татари. . .“, стр. 116), разделяемому П. Х. Петровым („Въстанието на Ивайло“, стр. 222—223), в источниках нет никаких указаний относительно участия в восстании феодалов.

⁹² P a s c h u m., p. 431. 7—10. О дате поражения Константина см. П. Ник о в. Изправки към българска история, стр. 68 сл., особенно стр. 83—84.

⁹³ P a s c h u m., p. 434. 10—11.

С момента решительной победы над войском царя Константина и гибели последнего восстание вступает в следующий этап, когда антифеодальный его характер уже не вызывает сомнений, когда под властью повстанцев оказались целые области, а одно время даже почти вся страна. Тирново, правда, где находилась овдовевшая царица Мария с номинальным царем Михаилом, сыном Константина Асеня, и немногочисленные бояре, поддерживавшие ее, не признавало власти Ивайлы, но зато на его сторону стали переходить другие города, — к сожалению, неизвестно, какие именно, — так что византийский историк прямо говорит, что вождь повстанцев «крепко держал в руках всю страну»⁹⁴. Татаро-монгольские отряды были вытеснены; теперь основные удары повстанцев направлялись против классового врага — против феодалов.

Несмотря на размах восстания и его значительные успехи, оно оставалось стихийным. Насколько возможно судить, у повстанцев не было писаной программы, а выступали они под своеобразным «царистским» лозунгом, столь типичным для крестьянских восстаний средневековья в различных странах: за «крестьянского», «справедливого» царя, который должен осуществить надежды угнетенного люда.

Вполне естественно, что Ивайло, уже в самом начале движения утверждавший, что божественная воля предназначила его для власти⁹⁵, стал теперь царем. Остается, однако, совершенно не освещенным источниками то, как он понимал свою роль и какие именно мероприятия осуществлялись повстанцами после провозглашения их предводителя правителем и царем (ἀρχὼν καὶ βασιλεὺς)⁹⁶.

Византийское правительство не сразу оценило характер событий, которые происходили у северных границ империи. Михаил Палеолог, во всяком случае, хотел даже сначала войти в соглашение с Ивайлом (ἐπαύξειν ἤθελε ταῖς πρὸς τὸν Λαχανᾶν ἀρχιστεῖλαις)⁹⁷ и выдать за него свою дочь⁹⁸. Вскоре, однако, император пришел к выводу, что с крестьянским движением и его вождем у него, конечно, не может быть общих интересов⁹⁹. К тому же и сам Ивайло не обнаруживал желания заключить союз с Византией; напротив, ходили слухи, будто он намеревается перенести военные действия на земли, находившиеся под властью империи¹⁰⁰. Таким образом, еще до наступления весны 1278 г. Палеолог резко изменил свою позицию по отношению к событиям в Болгарии и, убедившись, что они не сулят ему выгоды, решил организовать вторжение в Болгарское царство. Во-первых, он видел реальную опасность распространения движения на византийскую территорию (об этом сообщает опять-таки один только Григор), а во-вторых, нашел, как ему казалось, удобный предлог, чтобы установить в замаскированном виде свою власть над Болгарией, выдвинув «законного» претендента на освободившийся со смертью Константина престол. «Следует немедленно с корнем вырвать растение, только еще начинающее расти, — мотивировал византийский самодержец свое решение начать интервенцию в Болгарию, — не дожидаясь роста опасности»¹⁰¹. С этого времени болгарским повстанцам пришлось вести борьбу не только против феодалов внутри страны, но и против войск Византии, не говоря уже о татаро-монголах.

⁹⁴ P a c h u m., p. 434. 11—15.

⁹⁵ Ibid., p. 431. 12—16.

⁹⁶ Ibid., p. 434. 11—13.

⁹⁷ Ibid., p. 434. 16—19.

⁹⁸ Ibid., p. 435. 2—3.

⁹⁹ Ibid., p. 434. 19—435. 12.

¹⁰⁰ G r e g o r a s, p. 131. 14—17.

¹⁰¹ Ibid., p. 131. 17—132. 6.

Для осуществления своих планов Михаил Палеолог выдвинул в качестве претендента на трон Болгарии Иоанна, внука по матери Иоанна Асеня II, который до того времени проживал в Малой Азии на положении не то гостя, не то заложника. Кандидатура Иоанна, сына известного Мицы, была тщательно обсуждена императором с его приближенными и поддержана также константинопольским и антиохийским патриархами, специально запрошенными по этому поводу¹⁰². Династические связи Иоанна с византийским двором, помощь ему при вступлении на престол — все это, по мнению константинопольских политиков, сделало бы его послушным воле императора¹⁰³; не последнее значение придавалось, надо полагать, и тому обстоятельству, что сын Мицы отличался «величайшей простотой и недалекостью» (*ἀφέλειαν καὶ χουφότητα πλειίστην*)¹⁰⁴. Новоиспеченный болгарский царь был срочно привезен в Адрианополь, где тогда (в первые месяцы 1278 г.) находился двор, объявлен зятем Палеолога, провозглашен царем и получил имя Иоанна Асеня III; вскоре в Константинополе состоялась и свадьба. Претендент должен был вступить в Тырново с помощью византийского войска и навсегда остаться в союзе с империей¹⁰⁵. Часть болгарских бояр немедленно стала стекаться под знамена претендента, предпочитая призрачную власть византийского ставленника сильной руке выдвинутого народными массами царя — вчерашнего винопаса Ивайла¹⁰⁶.

Между тем положение в Болгарии усложнилось, и события приобрели новый оборот. Если зимою Ивайло «ослабил натиск» (*ὑποχάλασαντα τὰς ὀρμὰς*)¹⁰⁷, то к весне 1278 г. его отряды овладели ближайшими окрестностями столицы и, по выражению враждебного византийского историка, «успели опустошить страну»¹⁰⁸. С другой стороны, в Болгарию готовилось вторжение войск Палеолога с Иоанном Асенем III^{109–110}; они должны были двинуться также к Тырнову¹¹¹. И хотя всюду подчеркивалось, что они выступают против тирании Лоханы (*τῆς τοῦ Λοχανῆ τυραννίδος*), но в то же время император намеревалась, усыпив бдительность овдовевшей царицы Марии, потребовать у болгарских бояр ее мирной выдачи¹¹².

Угроза вступления византийских войск на болгарскую территорию была вполне реальна, но захват страны был делом нелегким. Народные массы справедливо усматривали в движении греческих войск угрозу полного разорения, да и часть феодальной аристократии относилась к принятию византийского ставленника весьма сдержанно¹¹³. Несмотря на это, царица Мария попыталась прежде всего договориться с императором, направив к последнему с этой целью особое посольство. Но Палеолог не был

¹⁰² Pashum., p. 435. 13—437. 2. О „служилых“ болгарских царевичах в Византии см. Ф. И. Успенский. Болгарские Асеневици на византийской службе в XIII—XIV вв. ИРАИК, т. XIII, 1908, стр. 1—16.

¹⁰³ Pashum., p. 436. 4—5.

¹⁰⁴ Gregoras, p. 133. 8—9.

¹⁰⁵ Pashum., p. 438. 14—439. 3; p. 440. 1—9; p. 441. 5—8; Gregoras, p. 132. 6—15. О хронологии событий см. В. Н. Златарски. История... т. III, стр. 551—556; ср. П. Ников. Изправки към българска история, стр. 82—84.

¹⁰⁶ Pashum., p. 439. 4—10.

¹⁰⁷ Ibid., p. 436. 9; ср. 433. 5—16 и p. 439. 8—9.

¹⁰⁸ Ibid., p. 441. 15—17.

^{109—110} Это следует как из дальнейшего хода событий, так и из слов Пахимера — Pashum., p. 440. 4—6.

¹¹¹ Gregoras, p. 132. 14—15. На этом, к сожалению, известия Григоры о восстании обрываются; упоминания о смерти Ивайла, он останавливается в дальнейшем только на судьбе Иоанна Асеня III.

¹¹² Pashum., p. 441. 9—13.

¹¹³ Ibid., p. 441. 18—20.

заинтересован в сохранении трона за Марией или ее малолетним сыном, и переговоры стали беспредметными¹¹⁴. В таких условиях Мария пошла на переговоры с Ивайлом; источники сообщают, что царица решилась предложить руководителю восставших крестьян разделить с нею власть и стать его женою¹¹⁵.

Не приходится сомневаться, что предложение Марии застало вождя повстанцев врасплох и создало для него весьма трудное положение¹¹⁶. Сначала Ивайло проявил, по словам Пахимера, «гордость и пренебрежение», но затем изменил свое решение¹¹⁷. Дело в том, что вторжение византийских войск и появление нового претендента грозили полным уничтожением независимости страны и ликвидацией всех успехов восстания. Допустить потерю Тырнова, не только столицы, но и первоклассной по тем временам крепости, было слишком опасно¹¹⁸. С другой стороны, всеобщая ненависть к царице Марии чрезвычайно затрудняла соглашение. После некоторых колебаний Ивайло объявил послам царицы, — впрочем, весьма уклончиво (*πομπρῶς καὶ βραδέως*), — что принимает предложение не из женолюбия, но «только по склонности к миру и для предотвращения кровопролитного междоусобия» (*κατ' εἰρήνην καὶ τοῦ μὴ χέεσθαι ἐμφυλίοις πολέμοις αἵματα κατεδέχετο*)¹¹⁹. Вслед за этим перед предводителем крестьянских отрядов открылись ворота Тырнова, и он занял столицу. Вскоре было отпраздновано и его бракосочетание с Марией, которая надеялась, что таким путем сохранит за собою власть, а за своим сыном — наследование престола¹²⁰.

Решение Ивайла может показаться легкомысленным, но оно определялось суровой военной необходимостью¹²¹, а не слабых характерностью вождя повстанцев или одним стремлением его к миру. Как показали дальнейшие события, потеря Тырнова была бы крупным ударом для дела восстания; вполне возможно, что в глазах своих сторонников Ивайло все еще не был «настоящим» царем, пока он не владел столицей царства. Между тем штурм хорошо укрепленного города в момент, когда с тыла можно было ожидать нападения византийцев, был делом трудным и рискованным. Нельзя, кроме того, отрицать и то, что Ивайло и его сторонники могли надеяться, что бескровным разрешением конфликта можно будет сплотить все силы, способные противостоять двойной угрозе татаро-монгольского разорения и византийского завоевания. Следует, наконец, учитывать ограниченность и непоследовательность борьбы средневековых крестьян, расплывчатость и неопределенность их программы. В тогдашней обстановке Ивайло вряд ли мог просто отвергнуть предложение царицы, не рискуя оттолкнуть или, во всяком случае, разочаровать многих из своих сподвижников.

¹¹⁴ P a s c h u m., p. 441. 20—442. 14 и p. 442. 18—443. 2.

¹¹⁵ Ibid., p. 443. 2—10. Посольство к Ивайлу было отправлено еще тогда, когда продолжались переговоры с Палеологом.

¹¹⁶ И. П а с т у х о в. Българска история, т. I, стр. 526.

¹¹⁷ P a s c h u m., p. 443. 11—14.

¹¹⁸ Ср. П. П е т р о в. ВЪСТАНИЕТО НА ИВАЙЛО, стр. 233—235. Автор считает, что в этом отношении на руководителя восставших могли оказывать давление присоединившиеся к народу феодалы; но против этого говорит, во-первых, то, что немногочисленные даже среди господствующего класса сторонники Марии находились скорее в Тырнове, чем в лагере повстанцев, и, во-вторых, то, что вообще наличие феодалов среди военачальников Ивайла весьма сомнительно.

¹¹⁹ P a s c h u m., p. 443. 14—444. 2.

¹²⁰ Ibid., p. 444. 2—6; G r e g o r a s, p. 131. 12—14. Характерно, что обе стороны испытывали при этом вполне объяснимое взаимное недоверие и приносили обоюдные клятвы в соблюдение заключенных условий.

¹²¹ На это обстоятельство справедливо обращает внимание В. Н. Златарский („История...“, т. III, стр. 558).

Но при всем том мы не считаем возможным согласиться и с П. Х. Петровым, который утверждает, что принятие предложения царицы «не являлось ни в какой мере ошибочным» и даже якобы «благоприятно отразилось на ходе восстания»¹²². Не следует упускать из виду, что попытка примирения с таким врагом, как властолюбивая и чрезвычайно непопулярная в стране царица, была очень рискованным шагом и таила в себе серьезную опасность. Не разделяя высказывавшегося в научной литературе мнения, будто этим всему делу восстания был нанесен «смертельный удар»¹²³, следует подчеркнуть, что дальнейший подъем и перспективы народного антифеодалного движения могли быть обеспечены в таких исключительно сложных условиях только решительной, последовательной ломкой всей системы феодальной эксплуатации, только существенным улучшением положения крестьянства.

Этого в той или иной форме ожидали и не могли не ожидать от своего вождя и крестьяне Болгарии, добившиеся того, что вчерашний свинопас стал «законным», признанным даже частью феодалов царем¹²⁴, имевшим в своем распоряжении войско, столицу, государственную сокровищницу и сделавшим своей супругой «гордую отрасль царственного рода Палеологов»¹²⁵.

Но, к сожалению, имеющиеся свидетельства не позволяют изучить с надлежащей полнотой мероприятия, осуществленные Ивайлом в этот период. Вряд ли можно обосновать документально предположение, будто сторонники Лаханы стали покидать его после занятия столицы «и он остался среди тех, на кого он поднял оружие»¹²⁶; если бы это было так, едва ли ему удалось бы сохранить не только трон, но и жизнь... Не более обоснованно и другое предположение, что Ивайло «имел намерение провозвести изменение участи крестьянства». Во всяком случае, оставаясь на почве засвидетельствованных фактов, невозможно отыскать никаких следов реализации такого рода намерений, а все то, что сообщают нам источники об условиях, в которых пришлось действовать Ивайле в этот период, свидетельствует, что его внимание было приковано к организации обороны северных и южных рубежей страны.

Не следует забывать, что при получении известия о случившемся Михаил Палеолог не только возмутился поступком Марии, которая, по его словам, обесчестила весь их род, но и высказал надежду, что против Ивайла обратятся как татаро-монголы, так и «ненавидящие его соотече-

¹²² П. Х. Петров. *Въстанието на Ивайло*, стр. 236.

¹²³ П. Мутафчиев. *История на Българския народ*, т. II, стр. 178—179. Автор считает, что брак с царицей был „истинным предательством по отношению к поднятому им (т. е. Ивайлом. — П. К.) движению и изменой по отношению к народу“. Полагаем, что для таких тяжелых обвинений нет основания и что будущее движение зависело не столько от личного поведения Ивайла, сколько от классовой направленности проводившихся им государственных мероприятий, от существа всей его политики.

¹²⁴ Только с момента занятия Тырново можно, на наш взгляд, говорить о признании Ивайла известной частью феодалов, да и то условно и на крайне ограниченный срок. О том, что вождь повстанцев рассматривался как „законный“ царь даже и тогда, когда власть его поколебалась (но Тырново еще не было потеряно), свидетельствует известная приписка на евангелии XIII в., хранящемся в собрании Сербской Академии наук, где дата сформулирована следующим образом: „в дни царя Ивайла, при епископе Нишском Никодиме, в лето 6787-ое индикта 7-го“. См. Г. А. Ильинский. *Сверлижские отрывки*, т. II, стр. 10. Впрочем, К. Иречек обратил внимание на то, что автором приписки употреблена необычная формула „в дни царя Ивайла“ вместо общеупотребительной „царствующу царю Ивайлу“; ср. К. Иречек. *История на Българите*. Поправки и добавки. София, 1939, стр. 192.

¹²⁵ Мария была племянницей императора Михаила Палеолога.

¹²⁶ „История на България“, т. I, стр. 207.

ственники»¹²⁷. В устах императора это была не пустая угроза, но определенный план действий, в котором он отводил не последнюю роль и созданной им марионетке. И действительно, вскоре границу Болгарии перешли византийские войска¹²⁸, во главе которых был поставлен не Иоанн Асень, относительно способностей которого Палеолог, надо полагать, не заблуждался, но видный и опытный византийский полководец, куропалат и протостратор Михаил Глáva Тарханиот¹²⁹, еще ранее принимавший участие в военных действиях на территории Болгарии, которого Никифор Григора характеризует как «мужа, столь отличного воинской опытностью, что по сравнению с ним тогдашние военачальники казались детьми»¹³⁰.

Неудивительно, что вся политика и даже все поведение Ивайла определяются стремлением как можно лучше подготовиться к предстоящим битвам. Он знал, что «воевать велит ему сама необходимость», и потому «готовился к борьбе... стремясь удержать и отстоять доставшуюся ему власть»¹³¹. Ивайло стремился приспособиться к окружающей его обстановке (τοὺς ἀμφ' αὐτὸν καὶ λιαν ὑποποιοῦμενος) и более того — «склонить к себе болгарских вельмож» (τοὺς ἀρχοντας τῶν Βουλγάρων)¹³². Именно таким стремлением укрепить свое положение объясняется, надо полагать, и его плохое отношение к Марии, обнаружившееся в это время¹³³, так как коварство и ни перед чем не останавливающееся стремление захватить власть давно сделало ее ненавистной не только народным массам, но и значительной части болгарских феодалов.

Как видно из сказанного, положение Ивайла было чрезвычайно сложным. Предполагать, что в такой обстановке им были задуманы и осуществлены сколько-нибудь серьезные социальные мероприятия, фактически нет оснований. Но тем самым значительно ослаблялись позиции Ивайла в стране, а размах народного движения неминуемо шел на убыль. «Царистский» лозунг был в XIII в., пожалуй, единственным, который мог организовать массы на победоносную борьбу за захват власти, но на другой день после победы с очевидностью обнаруживался его утопический характер...

Если крестьянский вождь успел почувствовать всю гибельность своей вынужденной пассивности, то тем бóльшую энергию развил он в ближайшие месяцы, когда началась война против ромейских войск на юге и, как можно полагать, одновременно против татаро-монгольских захватчиков на севере. Здесь был по крайней мере конкретный враг, была и ясная цель, и верные соратники, которым, вероятно, казалось, что с окончательным разгромом внешнего врага наступит то счастливое время, когда станет возможным осуществление их смутных чаяний. Сознание неизбежности навязанной им войны делало при таких условиях дружины Ивайла особенно отважными и стойкими; говоря словами источников, «смелые его нападения были удачны, и противостоящие его беспорядочным стремлениям не были в состоянии удержать их...» Вместе с тем войска повстанцев стали действовать беспощадно и наводили ужас на врагов¹³⁴.

¹²⁷ P a s c h u m., p. 444. 6—14.

¹²⁸ Ibid., p. 444. 14—16.

¹²⁹ Пахимер не упоминает в данном случае Главу, напротив, называет в качестве начальника Иоанна Асения (p. 446. 6—7), а в другом месте упоминает, не называя имени, царских полководцев (τοὺς τοῦ βασιλέως — p. 447 1). Зато с этого момента оказывается возможным использовать еще один источник — упоминавшуюся выше поэму Мануила Фила: Εἰς τὰ τοῦ πρωτοστράτορος ἐκείνου τοῦ θαυμάστου στρατηγῆματα.

¹³⁰ Gregoras, p. 159. 8—11.

¹³¹ P a s c h u m., p. 444. 18—445. 1; 445. 5—12.

¹³² Ibid., p. 444. 17—18 и p. 445. 3—5.

¹³³ Ibid., p. 444. 16—17 и 445. 2—3.

¹³⁴ Ibid., p. 445. 10—446. 6.

Первым пунктом, который назван Филом в связи с военной экспедицией 1278—1279 гг., является Галат (Κάλατος), прибрежное местечко близ Варны¹³⁵. На этом основании В. Н. Златарский допускает, что Глава направился из Константинополя морем и попытался высадить десант в Варне, но не смог осуществить эту операцию и выгрузил войско у Галата¹³⁶. Это представляется вполне возможным, хотя и не засвидетельствовано прямо источником; причина такого характера похода лежала, можно полагать, в том, что южная граница Болгарии была надежно защищена, а также в том, что в этом районе действовал другой отряд византийского войска во главе с Иоанном Асенем.

После взятия укрепленного Галата войска Михаила Главы заняли Петрион (Πέτριον, близ современной ж.-д. станции Гебедже) и стали действовать у побережья. В их руках оказались Проват (Πρόβατος, близ современного Провадия) и Вица или Бича, местоположение которой относят либо к северу от Гемонского мыса, либо к устью р. Большой Камчии (Βύτσα)¹³⁷. После этого пали τὸν Αἴμονος πάντα τόπον, крепость Козяк (Κοζιάκον ἄστυ, близ с. Гезикен, где еще в XIX в. были видны развалины укреплений), и Глава вывел свои отряды в Карийскую равнину (τὸ Καρύας πέδον), у сел Старое и Новое Орехово¹³⁸. У Козяка произошло столкновение с войском противника, и Глава, по хвастливому определению поэта, «оросил меч болгарской кровью» (τοῖς Βουλγάρων αἵμασι βάψας τὸ ξίφος)¹³⁹.

Закрепившись в итоге этих операций на морском берегу и в нижнем течении р. Камчии, византийский полководец двинулся в глубь страны. Пройдя узким проходом через отроги Балканского хребта¹⁴⁰, захватчики столкнулись с более сильным сопротивлением: здесь действовали полководцы Ивайла, названные в источнике по именам — Коман (Κόμανος), Канчо (Καντζής), Момчил (Μομτζίλας), Стан, «опустошивший в то время Загору» (ὁ τῆν Заγορὰν ἐκροφῶν τότε Στάνος), — быть может, указание на то, что в этом районе продолжалась вооруженная антифеодалная борьба крестьян, — и, наконец, Дамиан из Велеграда, небольшого укрепления близ Преславы¹⁴¹. Все эти, по определению Фила, «драконы, вышедшие из глубин земли», были оттеснены Главой, завладевшим целым рядом мелких укреплений, часть которых не может быть с уверенностью отождествлена с современными населенными пунк-

¹³⁵ Для отождествления упоминаемых Филом географических пунктов см. Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил, стр. 27—31; К. Jireček. Das christliche Element in der topographischen Nomenklatur der Balkanländer. „Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, Bd. 135, 1897, S. 80 f.; ср. В. Н. Златарски История..., т. III, стр. 560—563, 568.

¹³⁶ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 560.

¹³⁷ Philes, vers. 174—182. Ср. К. Jireček. Das christliche Element..., S. 80; В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 560; см. также Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил, стр. 27, прим. 2—5.

¹³⁸ Philes, vers., 183—188. Ср. К. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel. Prag, 1877, S. 147; В. Н. Златарски. История..., стр. 560—561.

¹³⁹ Philes, vers. 185.

¹⁴⁰ Ibid., vers. 189—193. Как указал Лопарев („Византийский поэт Мануил Фил“, стр. 27, прим. 9), под στενωπὸν здесь подразумевается „узкий проход через Балканы“. Местоположение местечка Παλιμισσός (vers. 193) неизвестно.

¹⁴¹ Philes, vers. 194—205. В. Златарский („История...“, стр. 561, прим. 3) вполне основательно отвергает предположение Лопарева („Византийский поэт Мануил Фил“, стр. 28, прим. 3), видевшего в Момчиле известного воеводу XIV в., но оставляет без возражения не менее натянутое отождествление Лопаревым (ук. соч., стр. 28, прим. 1) упоминаемого здесь Комана или Кумана с венгерским королем Владиславом (ср. там же, стр. 30 и 31).

тами¹⁴², и вышедшим к Пиргициону (Πιργίτιον δὲ καὶ τὸ πᾶν τοῦτου μέρος), где пересекались важные пути от Сливена к Карнобату и от Ямбола к Преславе¹⁴³. Разбив здесь в сражении «сатрапа Лахану», византийское войско прошло в окрестностях нынешнего г. Сливен, заняло крепости в Мокренском проходе и на подступах к нему, до Айтоса включительно, где были сосредоточены пленные, захваченные при нападениях на Устье, Проват и Преславу¹⁴⁴.

Таким образом, в результате длительной и жестокой борьбы византийские войска заняли значительную часть Болгарии, в том числе ряд сравнительно крупных населенных пунктов, и контролировали восточные проходы через Стару Планину. Насколько представляется возможным судить, Ивайло лишь однажды потерпел поражение, а именно — у Пиргициона; сопоставляя стихи Фила с рассказом Пахимера¹⁴⁵, весьма расплывчатым и риторически украшенным, можно заключить, что поход Главы далеко не был таким сплошным триумфальным шествием, как это старался изобразить воспевавший его стихотворец: историк жалуется, что страх перед Ивайлом сковывал силы византийских воинов, и успешным сопротивлением повстанческого войска следует, по всей вероятности, объяснять сложный маршрут вражеских сил, обрисованный выше на основании данных, почерпнутых из поэмы Фила. Во всяком случае Пахимер прямо говорит о медленном ходе военных действий, недвусмысленно добавляя к этому, что «не оставалось иной надежды на избавление от бедствия, как только надежда избавиться от варвара» (т. е. от Ивайла)¹⁴⁶.

Дальнейшее движение византийского войска Мануил Фил обрисовывает против обыкновения немногословно. Превратив Айтос в опорный пункт на южном склоне Балканского хребта, Михаил Глава двинулся в долину р. Тунджи, занял ряд мелких крепостей и Веррею (Стара Загора). После этого он продвинулся до нынешнего Казанлыка и у входа в Тревненский проход соединился с другой частью византийских войск, во главе которых стоял Иоанн Асень III¹⁴⁷.

¹⁴² Philes, vers. 206—219. Из перечисленных здесь пунктов Овчага (Ὀυττάγα) находится у села Ченге, Вербница (Ὀυρβίτιον) — у одноименного села, Козяк (Κόζιαξ) — к северо-востоку от села Котел, Девина (Δαβαίνᾱ) — у Котленского прохода, Ачера (Ἀτσεράς) — у села Ичера, Атича (Ἀτίτσα) — у села Тича на верхнем течении Б. Камичи, Велеград (τὸ κραταῖον ἄστυ τῶν Βελλεγράδων) — на запад от Преславы, на северном склоне Преславской планины, и Студена (Στούδαινα) — на северо-запад от села Мокрен; ср. К. Јиреџек. Das christliche Element..., S. 83; В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 561—562. Местоположение таких пунктов, как Грамена (Γράμαινα), Инок (Οἰνώχον), Петровун (Πετροβούνος), Феофилакт (Θεοφιλάκτος) и, наконец, Гологлед (Γολογλέντος), не указано Лопаревым, Иречком и Златарским.

¹⁴³ Philes, vers. 220—221. По Иречку (К. Јиреџек. Op. cit., S. 83), Пиргицион следует помещать у села Бургуджия, ныне Верхне-Александрово, при выходе из Мокренского прохода.

¹⁴⁴ Philes, vers. 222—234. В этом районе упоминаются Камена (Κάμαινα) — совр. село Синие Камни у Сливена, Сотирюполь (Σοτήρος πόλις) — у села Сотир, восточнее Сливена; далее, Мокрен-Пачово (τῆς Μοκρεάνουος τὸν τόπον τῆς Πατζόβου) — крепость в центре Мокренского прохода, Ктенион (τὸ Κτενίων ἄστυ) — у села Комарево, Айтос (Ἄετός) — у одноименного современного города. Наконец, Устье (Ὀύστιον) находилось на р. Тича, недалеко от Преславы, древней столицы Болгарии. Ср. К. Јиреџек. Das christliche Element..., S. 81—83; В. Н. Златарски. История..., т. III, 562—563.

¹⁴⁵ P a c h y m., p. 445. 10—446. 11.

¹⁴⁶ Ibid., p. 446. 12—14.

¹⁴⁷ Philes., vers. 234—239. Византийцы прошли через Червезище (Τσερβεσίδα — местоположение точно неизвестно), Твердицу (Βερδίτσα — на пути от Сливена к Елене), Могилиш (Μογλίτσιον — у одноименного села, восточнее Казанлыка), Криин (Κρινός — западнее Казанлыка). Кроме этого, Фил называет Веррею (Βερρόη) и расположенную близ нее Колину (Κώλινα). Ср. В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 563.

Нельзя с точностью установить, сколько времени продолжался описанный поход, но поздней осенью или зимой 1278—1279 гг. соединенные греческие войска находились близ Тырнова — об этом говорит уже упоминавшаяся приписка на евангелии, сделанная Константином Чтецом: «въ градѣ сверлижѣ. въ дни царѣ иванла. и при епископѣ нѣшевскѣмъ никодимѣ в лѣто. 5113. индик. 3. кги стоухоу гръци подѣ градомъ тръновомъ»¹⁴⁸. Следует ли видеть в последних словах указание на то, что столица Болгарии была осаждена византийцами, или их надо, как на этом настаивает В. Н. Златарский¹⁴⁹, понимать лишь в том смысле, что последние находились недалеко от Тырнова, решить затруднительно.

Как раз в это время, пользуясь тем, что Ивайло вынужден был обратиться против татаро-монголов — опасность с этой стороны была, надо полагать, серьезна — враги стали распространять слух, будто он побежден татарами¹⁵⁰. В этих словах заключается, отметим попутно, единственное прямое упоминание об участии последних в военных действиях этого периода. Но так как выше Пахимер отметил, что Михаил Палеолог надеялся на помощь со стороны татаро-монголов¹⁵¹, а в другом месте упомянул о присвоении одному из татаро-монгольских военачальников высокого звания протостратора¹⁵², то нельзя не согласиться с Петровым в том, что татаро-монголы сыграли в военных событиях 1278 г. очень важную роль¹⁵³.

Слухи о гибели Ивайла были немедленно использованы боярами, давно уже замышлявшими предательство. Прежде всего они расправились с царицей Марией: она была выдана «тырновцами» вместе с сыном Михаилу Главе и перевезена в Адрианополь, где снова уже находился Михаил Палеолог¹⁵⁴. Иоанн Асень III был признан боярами царем и беспрепятственно вступил в Тырново; через некоторое время туда же прибыла и его жена, дочь императора¹⁵⁵. Чтобы укрепить положение своих сторонников в Болгарии, Палеолог попытался привлечь одного из крупнейших болгарских феодалов, боярина Георгия Тертерия: он был разведен с женой, отправленной вместе с сыном в Никею, и облечен вместе со своей новой супругой, сестрой Иоанна Асеня, властью и званием деспота; при слабости царя это приводило фактически к тому, что Тертерий становился его соправителем¹⁵⁶.

Таким образом, в самом начале 1279 г. болгарское боярство окончательно решилось на измену. Напуганные движением народных масс, феодалы предпочли власть неспособного византийского ставленника и пожертвовали независимостью страны ради своих корыстных интересов. Но народные массы Болгарии упорно и самоотверженно продолжали неравную борьбу. Об этом позволяло судить чрезвычайно скудные в данном случае известия столь словоохотливого в других местах Фила. Упомянув о том, что «болгарская львица со своим львенком» попала в руки императора Михаила, стихотворец сообщает, что Глава взял Преславу, Ловец (Λοφτ-

¹⁴⁸ Г. А. Ильинский. Сверлижские отрывки, т. II, стр. 10. К хронологии этих событий см. П. Ников. Изправки към българска история, стр. 74—80.

¹⁴⁹ В. Н. Златарски. История..., т. III, стр. 563, примечание 3.

¹⁵⁰ Pashum., p. 446. 14—17.

¹⁵¹ Ibid., p. 444. 6—14.

¹⁵² Ibid., p. 446. 6—7.

¹⁵³ П. Х. Петров. Въстанието на Ивайло, стр. 240.

¹⁵⁴ Pashum., p. 446. 17—447. 6; Philes, vers. 240—254. Пахимер не называет Главу по имени; что касается Марии, то она была заключена в монастырь и умерла несколько лет спустя.

¹⁵⁵ Pashum., p. 447. 6—8; Gregoras, p. 132. 18—22. По Никову („Изправки към българска история“, стр. 74—84) эти события состоялись в феврале 1279 г.

¹⁵⁶ Pashum., 447. 8—448. 4; Gregoras, p. 133. 1—7.

ζόν), Червен (Τζερβενός), Видин (Βυδίνη) и «все придунайские места»¹⁵⁷. Сражаясь «с опасным отступником Лаханой», византийский военачальник достиг наконец крепости Пристрия (Πριστρία; φρούριον, — т. е. Дристры, Доростола, нынешней Силистрии, где заперся Ивайло)¹⁵⁸. П. Х. Петров полагает, что все эти подвиги приписаны Главе его панегиристом и не соответствуют действительности; по его мнению, в северных районах Болгарии действовали одни только татары¹⁵⁹. Однако эта точка зрения слишком далека от источника и не представляется нам правильной; в рассказе Фила, по обыкновению весьма риторическом и ходульном, здесь, как нам кажется, каждое слово имеет большую важность: Преслава была, как видим, освобождена народными войсками после первого ее захвата греками¹⁶⁰, что позволяет судить о напряженности борьбы повстанцев против войска интервентов; прочие перечисленные Филом пункты дают возможность сделать заключение о том, что почти вся территория Болгарии была охвачена восстанием. Все это свидетельствует о чрезвычайно упорной борьбе, в ходе которой на сторону Ивайла перешел, между прочим, крещеный татарин Часимбег или Касимбек (Τζασιμπάξ), назначенный Палеологом протостратором «за преданность Асану» (т. е. Иоанну Асеню III)¹⁶¹. Так прошли лето и осень 1279 г.

К зиме 1279—1280 г. военные действия сосредоточились вокруг Силистрии, где в течение трех месяцев Ивайло со своими соратниками выдерживал осаду превосходящих сил врага. В конце концов Глава заболел и был отозван императором из Болгарии в Константинополь, а осада с крепости была снята. Фил уверяет читателей, что Глава непременно взял бы осажденный город, если бы не внезапная болезнь, но тут же добавляет, что после отозвания полководца ромейские войска обнаружили малодушие, которое он, впрочем, стремится объяснить суровостью наступившей зимы¹⁶².

¹⁵⁷ Philes, vers. 255—257.

¹⁵⁸ Ibid. vers. 258—262.

¹⁵⁹ П. Х. Петров, Встанието на Ивайло, стр. 239—240 сл.

¹⁶⁰ Это обстоятельство вызывало недоумение Лопарева (см. „Византийский поэт Мануил Фил“, стр. 29, прим. 10).

¹⁶¹ Pashum., p. 466. 6—8.

¹⁶² Philes, vers. 263—275. Осада Ивайла в Силистрии, притом именно войсками Главы, известна только из стихотворения Мануила Фила, сообщающего, как видно из сказанного выше, ряд характерных подробностей. Трудно признать, что весь этот рассказ представляет собою чистый вымысел, как это считает П. Х. Петров, признающий факт осады, но приписывающий ее татаро-монголам. Это предположение не может быть, однако, принято, так как доказать его невозможно без крайнего насилия над источником. В самом деле, Петров считает, во-первых, что татаро-монгольский военачальник Касимбек получил звание протостратора „за особые услуги, оказанные при возведении Иоанна Асеня III на болгарский престол“, и, во-вторых, что „эти особые заслуги состояли именно в том, что Ивайло был три месяца осажден в Силистрии“ (П. Х. Петров, Встанието на Ивайло, стр. 243, ср. стр. 237 и 240). Но если первое из приведенных утверждений еще можно в известной мере обосновать ссылкой на источник (Pashum., p. 446. 6—8), то второе остается не более чем предположением, так как совершенно неизвестно, что „преданность“ Иоанну Асеню, о которой идет речь у Пахимера, выразилась в том, что Касимбек с татаро-монгольским отрядом осаждал Ивайла в Силистрии: об этой осаде византийский историк не упоминает вовсе. Наконец, точка зрения Петрова не может быть согласована и с хронологической последовательностью событий. Если принять его концепцию, то получается, что осада прекратилась при наступлении зимы 1278—1279 гг. Между тем не только в стихотворении Фила действия Главы в Западной и Придунайской Болгарии помещены после известия о занятии Тырнова, но иную последовательность событий нельзя даже и представить себе, так как поход к Видину и затем вдоль Дуная к Силистрии, где был осажден Ивайло, не мог уложиться в рамки кампании 1278 г. Следовательно, зима, наступление которой прекратило осаду, — зима 1279—1280 г., как это считал и Златарский („История...“, т. III, стр. 568—570).

Весной 1280 г. войска повстанцев снова перешли в наступление: как видим, ни долгая борьба, ни осада не сломили энергии Ивайла и стойкости его сторонников. Собрав новые силы, Ивайло вместе с Касимбеком осадил Тырново, нанеся поражение находившимся там византийским войскам¹⁶³. При таких обстоятельствах Палеолог направил в Болгарию нового военачальника, протовестиария Мурина, под командой которого было 10 тыс. воинов. Мурир двинулся через Котленский проход и расположился при Девине (*Διαβαίνᾳ*). Болгары уничтожили весь этот отряд (17 июля 1280 г.)¹⁶⁴. Такая же участь постигла и пятитысячный отряд протовестиария Априна: он был разгромлен в открытом бою 15 августа, причем сам военачальник пал от меча Ивайла¹⁶⁵. Пахимер сообщает и о других успехах повстанцев (он, впрочем, именует их «неистовствами» — *καὶ πολλὰ τότε λυσσομαχῶν κατεργάζετο*)¹⁶⁶; что же касается Мануила Фила, то под его пером известия о разгроме войск Мурина и Априна представлены, по удачному выражению Лопарева, «настолько туманно, что даже следует, что оба они остались победителями...»¹⁶⁷.

Положение Иоанна Асеня III оказалось критическим. Посаженный на престол Михаилом Палеологом, он держался одной вооруженной поддержкой Византии. Болгарские бояре охотно прислушивались к Тертерию, который «за короткое время сумел склонить к себе мнение всего воинства и многих из числа знати»¹⁶⁸. Узнав о готовящемся перевороте, незадачливый византийский ставленник решил в конце концов искать спасения в бегстве. При этом он захватил «все лучшее, что было между сокровищами Болгарии», т. е. царские драгоценности и между ними военные трофеи, захваченные болгарами при разгроме императора Исаака Ангела. Достигнув обманным путем Месемврии, Иоанн Асень со своей супругой бежал морем в Константинополь¹⁶⁹.

Позорное бегство Иоанна Асеня открыло Тертерию путь к трону: болгарские бояре, не желая вновь видеть на престоле ненавистного им «свинопаса», избрали его царем¹⁷⁰. Для Ивайла это был тяжелый удар, особенно опасный после только что одержанных побед. Вряд ли приходится сомневаться, что правительство Тертерия было глубоко враждебно восстанию и его вождю, и если оно не могло немедленно начать подавление его вооруженной силой, то лишь потому, что новый царь не располагал в данный момент необходимым количеством надежного войска.

Но и Византия не примирилась со своей неудачей¹⁷¹. Император сна-

¹⁶³ Pashum., p. 466. 3—9.

¹⁶⁴ Ibid., p. 466. 9—15. П. Х. Петров („Въстанието на Ивайло“, стр. 247) относит как это, так и следующее сражение к 1279 г.

¹⁶⁵ Pashum., 466. 15—19.

¹⁶⁶ Ibid., p. 466. 19.

¹⁶⁷ Philes, vers. 276—282; Хр. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил, стр. 31.

¹⁶⁸ Pashum., p. 448. 4—11; Gregoras, p. 133. 7—12.

¹⁶⁹ Pashum., p. 448. 11—449. 11; Gregoras, p. 133. 12—17.

¹⁷⁰ Pashum., p. 149. 11—15; Gregoras, p. 133. 17—18.

¹⁷¹ П. Мутафчиев („История на българския народ“, т. II, стр. 183) полагает, что провозглашение Тертерия было направлено „не против Палеолога, а против Ивайла“. Однако второе не исключает первого. Бегство Иоанна Асеня III трудно расценивать иначе, чем как поражение византийской политики относительно Болгарии. К. Иречек совершенно прав, указывая, что Тертерий „не был другом византийцев“: первой внешнеполитической акцией нового болгарского царя было вступление в союз со смертельным врагом Палеолога, неаполитанским королем Карлом Анжуйским; в 1281 г. в Неаполе засвидетельствовано посольство „magnifici principis, imperatoris Bulgarorum“ (ср. К. Иречек. История болгар, стр. 370—371; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 653—654).

чала сорвал гнев на своем неспособном и трусливом зяте, а затем «протил» его и приказал отправиться с богатыми дарами в ставку грозного Ногаю. Цель посольства состояла в том, чтобы добиться нового вторжения татаро-монголов в Болгарию для восстановления «законного» царя, т. е. самого Асеня¹⁷². Но еще раньше последнего перед Ногаем предстал Ивайло, который, по словам Пахимера, также «вздумал обратиться к Ногаю и просить его помощи»¹⁷³.

По поводу обращения Ивайла к Ногаю П. Мутафчиев считает возможным высказать очень тяжелое обвинение: предав народ (как указано выше, мирное вступление в Тырново и особенно брак с Марией являются, по мнению Мутафчиева, предательством народа), пишет он, Ивайло не поколебался теперь предать и родину. Народ же, полагает Мутафчиев, успел убедиться, что ему нечего ждать от Ивайла, потерял веру в своего предводителя, а последний уже ничем по существу не отличался от Иоанна Асеня, с которым судьба столкнула его в ставке Ногаю¹⁷⁴. Представляется, однако, что для таких обвинений нет достаточных оснований. Чтобы правильно оценить поведение Ивайла, нельзя забывать о той роли, которую играли во второй половине XIII в. в Восточной и Юго-Восточной Европе золотоордынские правители, и, в частности, положение Болгарии по отношению к последним. Ведь это было время, когда, по горестному признанию русского летописца, «бяхоуть князи Роусции в воле татарьской»¹⁷⁵ и ордынские ханы распоряжались по произволу княжескими столами, активно вмешиваясь в борьбу владимирских и черниговских Рюриковичей¹⁷⁶. Почти одновременно с Русью тяжесть монгольского ига испытала на себе и Болгария. В 50-х годах XIII в. она платила татарам регулярную дань¹⁷⁷. Константин Тих был, как это показал П. Ников, татарским вассалом и в качестве такового участвовал по приказу Берке-хана в нападениях на византийские владения в 1265 и 1270 гг.¹⁷⁸; равным образом свою зависимость от Орды признавал и Тергерий¹⁷⁹.

Если, с одной стороны, общее положение Болгарии делало неизбежным обращение Ивайла к татаро-монголам, то не приходится удивляться, что он отправился именно к Ногаю, владения которого находились сравнительно недалеко от границ Болгарии¹⁸⁰ и о могуществе которого выразительно

¹⁷² Р а с ч у т., р. 466. 22—467. 4.

¹⁷³ Ibid., р. 466. 19—22 и р. 467. 4—5.

¹⁷⁴ П. М у т а ф ч и е в. История на Българския народ, т. II, стр. 183—185.

¹⁷⁵ Ипатьевская летопись под 6790 г. ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб., 1908, стр. 888; в качестве печального рефрена это повторяется при описании событий 6791 г. (стр. 892) и 6795 г. (стр. 897).

¹⁷⁶ С р. А. Н. Н а с о н о в. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 9—39, 59—68.

¹⁷⁷ Itinerarium Willelmi de Rubruk, Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie, t. IV. Paris, 1839, р. 216 и 263 (ср. русск. пер. А. И. Маленина: Иоанн де Плано Карпини. История Монголов — Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 67, 94). С р. А. T h e i n e r. Vetera documenta historica Hungariam sacram illustrantia, t. I, Romae, 1859, р. 230; П. Н и к о в. Татаробългарските отношения. . . , стр. 3—5; В. Н. З л а т а р с к и. История. . . , т. III, стр. 424—425, 438.

¹⁷⁸ П. Н и к о в. Татаробългарските отношения. . . , стр. 6—12; с р. А. Н. Н а с о н о в. Монголы и Русь, стр. 41—44.

¹⁷⁹ П. Н и к о в. Ук. соч., стр. 17; П. М у т а ф ч и е в. История. . . , т. II, стр. 190.

¹⁸⁰ Ф. К. Брун („Черноморье“, часть II. Одесса, 1880, стр. 353—354) указывает, что „юрт его (т. е. Ногаю — П. К.) находился на полуострове, образуемом нижним течением Днестра и его притоком Кучурганом“. О владениях Ногаю см. Арх. Л е о н и д. Хан Ногай и его влияние на Россию и южных славян. ОИДР, ч. 3, 1868, стр. 32 и 37; Н. И. Веселовский. Хан из темников Золотой Орды Ногай, стр. 22—23; А. Н. Н а с о н о в. Монголы и Русь, стр. 69.

свидетельствуют показания русских летописей¹⁸¹. Да ведь и сам Палеолог вынужден был, по признанию своего историографа, покупать благосклонность Ногая «рабскими пожертвованиями» (*δοσλικάς ὑπελεύσεις*)¹⁸² и в данном случае, направляя к нему своего зятя, тем самым признавал право грозного повелителя Орды распоряжаться престолом Болгарии. Все сказанное приводит к заключению, что говорить по поводу обращения Ивайла к Ногаю об измене его родной стране нет никаких оснований.

Ивайло прибыл в ставку Ногая прежде Асеня и встретил первоначально хороший прием. Возможно, что борьба против грабительских нападений отдельных татаро-монгольских отрядов не расценивалась Ногаем как выступление против татаро-монгольского владычества в целом; вероятнее, впрочем, что это была обычная хитрость и вероломство татарских феодалов, которые, по выражению современника, «в начале льстивы, а потом жалят как скорпион»¹⁸³. Во всяком случае появление Иоанна Асеня поставило Ивайла в крайне затруднительное и опасное положение. Ногай принимал дары от обоих и некоторое время возил их за собою¹⁸⁴. Но Палеолог всячески старался погубить Ивайла (*λαθραίως τοῦ βασιλέως ἐπιβουλαῖς ἐκεῖ τῆν δι' αἵματος δίδωσι δίκην*)¹⁸⁵; да и сам Ногай не мог не понимать, кто из двоих претендентов на власть в Болгарии представляет для него большую опасность. Вскоре наступила кровавая развязка: на одном из пиров Ногай предательски приказал убить Ивайла (в конце 1280 г.). Вместе с ним был умерщвлен и Касимбек¹⁸⁶, сопровождавший его к татарам и, как полагают некоторые, побудивший Ивайла искать помощи у Ногая¹⁸⁷. «Так трагически завершил свою жизнь, — заключает один из болгарских историков, — народный царь, герой и борец за социальную справедливость и государственную независимость»¹⁸⁸.

К сожалению, источники не дают возможности установить, каким образом удалось правительству Тертерия подавить последние очаги восстания.

Героическая борьба болгарского народа закончилась, как и другие крестьянские восстания средневековья, поражением восставших масс. Здесь проявились общие причины неудач крестьянских восстаний в средние века: крестьяне, которые упорно и отважно выступали против феодального гнета, были в то же время связаны узкими местными интересами, не могли на длительное время объединить свои силы в масштабах всей страны, не могли создать, как правило, дисциплинированное войско и вообще не всегда могли действовать единодушно и организованно. Классовое сознание темных, задавленных нуждой и эксплуатацией, опутанных религиозными предрассудками крестьян было недостаточно развито. Даже поднимая оружие против эксплуататоров и вступая в неравный бой с ними, крестьянские отряды не имели в подавляющем большинстве случаев заранее

¹⁸¹ См., напр., ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 78—81; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 154—156; т. IV, 2-е изд., ч. 1, СПб., 1915, стр. 245; т. X, СПб., 1885, стр. 160—165. Ср. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда, стр. 234—235; А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 70—73.

¹⁸² Рашум., р. 180. 5—14.

¹⁸³ Ioannis de Plano Carpini. Historia Mongolorum. Recueil de voyages etc., т. IV, Paris, 1839, р. 637, 701—702 (ср. русск. пер. А. И. Маленна, СПб., 1911, стр. 13 и 34).

¹⁸⁴ Рашум., р. 467. 5—12.

¹⁸⁵ Gregoras, р. 132. 15—18.

¹⁸⁶ Рашум., р. 467. 12—468. 8.

¹⁸⁷ И. Пастухов. Българска история, т. I, стр. 529.

¹⁸⁸ Там же; ср. В. Н. Златарски. История... т. III, стр. 573—575.

разработанного плана действий, не имели сплошь и рядом никакой четко продуманной программы, а их политическая организация существовала лишь в зародыше. Крестьянство лишь с огромным трудом избавлялось от наивной веры в справедливость «помазанников божьих», положительные его идеалы были расплывчаты и неопределенны. На раздробленность и темноту крестьян средневековой Европы как на одну из важных причин поражения крестьянских восстаний указывает Ф. Энгельс, подчеркивая, что «крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию...»¹⁸⁹.

Тем не менее значение крестьянской войны 1277—1280 гг. нельзя преуменьшать. Ее по праву следует сравнивать с теми антифеодальными выступлениями крестьян, которые охватили в XIII—XIV вв. почти все страны Европы. Восстание болгарских крестьян в 1277—1280 гг. имеет много своеобразных черт, но его место в истории в одном ряду с движением «пастушков», с восстанием Дольчино, с Жакерией и восстанием Уота Тайлера. Крестьянская война в Болгарии имела, подобно всем этим великим классовым битвам европейского средневековья, освободительный, антифеодальный характер; она охватила не меньшую территорию, чем любое из этих восстаний, и продолжалась значительно дольше, чем каждое из них. Крестьянская война в Болгарии отличается также отсутствием религиозной оболочки движения: если не считать первоначальной проповеди Ивайла о том, что он избран богом для руководства восстанием, мы не видим в источниках ни малейшего намека на религиозно-мистические моменты в программе крестьян. Наконец, существенной чертой восстания было то, что оно привело на известный срок к захвату государственной власти почти во всей стране.

Как и перечисленные выступления народных масс, крестьянская война в Болгарии имела большое прогрессивное значение. Вооруженные выступления крестьян расшатывали основы феодального строя и объективно расчищали путь для зарождения более прогрессивных производственных отношений. Нельзя забывать и о том, что массовые восстания против эксплуататоров укрепляли революционные традиции народных масс. Наконец, прогрессивный характер освободительной борьбы болгарских крестьян усиливается тем, что они выступили в защиту родины от татаро-монгольских грабителей и продолжали в дальнейшем справедливую борьбу против византийских захватчиков, вынашивавших планы полного подчинения Болгарии, лишения ее завоеванной в жестоких боях независимости. При таких условиях неудача восстания тяжело отразилась на всей дальнейшей истории средневековой Болгарии.

Поражение восстания развязало руки болгарским боярам. Разнузданное господство феодалов, неспособных защитить страну от внешних врагов, проявилось не только в подавлении восстания, но и в полном политическом распаде Болгарии. Уже к началу XIV в. Казанлыкская область, Средняя гора, Ихтиманская область, Видин с прилежащими селами, Браничевский край и Добруджа представляли собой фактически самостоятельные княжества. Под властью тырновских царей оставались лишь непосредственные окрестности столицы. Бояре вели нескончаемые разорительные войны за пустой титул царской власти и жестоко опустошали страну, которая с трудом оправлялась от бесконечных татаро-монгольских набегов. Слабость Болгарии делала ее беззащитной добычей соседних феодалов, и временные успехи потомков Тертерия не привели ни к каким прочным результатам.

¹⁸⁹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 7, стр. 357.

В тяжелые годы испытаний болгарский народ сохранил память о славном восстании 1277—1280 гг. и о самом Ивайле. Память эта не ограничивалась пределами страны. Когда в 1294 г. появился новый предводитель крестьянских отрядов, принявший имя Ивайла и выдававший себя за чудом спасшегося вождя, к нему стали стекаться крестьяне из Византийской Фракии. Заточенный в темницу, псевдо-Лахана был вскоре освобожден и отправлен в Малую Азию вести борьбу против турок. Но так как под его знамена стекались в большом количестве крестьяне и византийское правительство имело все основания опасаться новой крестьянской войны, но на этот раз на собственной территории, то его отозвали в Константинополь, где он и закончил свои дни в заточении¹⁹⁰. Народные массы отказывались, впрочем, верить в его гибель, и через несколько лет объявился еще один Ивайло — болгарский пастух Иван, собравший отряд вооруженных дубинами крестьян для борьбы с турками. Захваченный византийцами, он сумел бежать и снова возглавил партизанскую войну против турецких захватчиков, попал к ним в плен и погиб¹⁹¹. По другой версии, впрочем, Иван спасся и еще много лет вел борьбу с турками в окрестностях Фессалоники... И в дальнейшем в болгарском народе жили песни и легенды о славном вожде, ставшем символом непримиримой народной борьбы против иноземных захватчиков, гнета и эксплуатации¹⁹².

---

¹⁹⁰ Р а с х у м., II, 30; р. 188. 14—192. 10.

¹⁹¹ Ibid., V, 27; II, р. 442. 4—445. 2.

¹⁹² К. И р е ч е к. История болгар, стр. 379.